

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»



3

1963

СМЕНА

Очень далеко, на самом востоке, лежит маленький кусочек нашей земли, очертаниями чем-то напоминающий рыбу, — Сахалин. Его омывают воды Тихого океана и овевают ветры далеких широт.

Сахалин называют «островом сокровищ». Рыба, нефть, уголь, лес — все здесь есть в изобилии.

Рассказ о Сахалине и его людях поведут на страницах этого номера специальный корреспондент «Смены» Тамара Илатовская и фотокорреспондент Василий Мишин.



РАЗГАДКА ТУНГОРА

Вот ваше заявление... пятое, кажется. Я подписал. — Председатель совнархоза на секунду прижал пальцы к векам: он очень устал. — Если б не Тунгор, не подписал бы. Ну, желаю успеха...

Прощание было прохладным. Что ж, этого можно было ожидать. Дали человеку широкий простор — верши хозяйственную политику. А он не захотел простора, не захотел вершить...

Под солнцем ослепительно светился снег. Эх, разбежаться бы да проехаться по отполированной лужице! А что, это можно. На-

чальнику технического отдела совнархоза нельзя, а директору дальнего нефтепромысла, пожалуй ста! Егурцову вдруг стало смешно и легко — так бывает перед дорогой, за которой ждет что-то неизвестное, звеняще-радостное. Правда, неизвестного было мало, а в известном мало радостного — Тунгор...

У сослуживцев и знакомых при виде его стало появляться особое, торжественное выражение. И Егурцов весь поджимался, боясь, что будет сказано что-нибудь неоправдимо фальшивое, вроде: «Пошел на прорывной участок, отказался от положения...» Ни от

чего он не отказывался и всякой чудосочной жертвенности не терпел. В конце концов «труд — это отец удовольствия».

Восемь лет назад Егурцов получил в Московском нефтяном институте направление на Сахалин. Он приехал похудевший, в штанных брючках, но неукротимый, ершистый, полный преобразовательных идей. Идеи выплескивались нефтью, металлом конструкций, схемами перекачек. Он стал отличным инженером-производственным, промысловиком до мозга костей. Бывает же так. Любил нефть, запах ее, вкус, даже способность все пачкать. Лю-

бил все потрогать своими руками, все видеть, все чувствовать в своем хозяйстве. Несмотря на молодость, его выдвинули в совнархоз. Там было другое. Егурцов втайне томился по нефти. А тут прогорел Тунгор. Нефтяники наделись на Егурцова. Но его не отпустили. Он сердился, писал заявления.

Тунгор «сдал» в ноябре шестьдесят первого. Еще раньше в затененной лихорадке отчетных цифр, пожалуй, можно было угадать надвигающуюся катастрофу. Но цифры были так высоки, так отрадны, так глупо было кричать о грозе среди ясного неба! Да и вообще

СМЕНА

Год издания сороковой

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

ФЕВРАЛЬ
1963

издалека все кажется проще. А там, на далекой северной окраине Сахалина, уже готовился, становился неизбежным, близился тяжкий, потрясший всех удар.

Еще порхали в воздухе приветствия по случаю успешного завершения промыслом шестидесят первого года, еще не истрачены были премиальные, еще газеты писали о победе нефтяников Тунгора, а всем уже стало ясно: Тунгор выдыхается. Того славного Тунгора, который давал немало сахалинской нефти, больше не существует. С Тунгором творились непонятные вещи. Тунгор, нефтяной Гаргантюа, чах день ото дня.

Первой сдала безотказная, трудолюбивая «четверка».

Каждое утро скрипучая дверь в конторе промысла распахивалась настежь и геолог Ольга Измествова, яростно блестя глазами, разгоряченная от бега, бросала директору на ходу:

— Борис Иванович! Да что же это? Опять «четверку» ставили на замер — уже полторы тысячи кубов газа на тонну. Три дня назад тысяча была. А раньше триста... Что это, а? На сто второй — тысяча, на сто двенадцатой — полторы... Рехнулись они, что ли? Нутро себе земля рвет...

Газ, газ!.. Директор уже привык к этим отчаянным докладам: тысяча кубов на тонну, две, две с половиной. И чего горячиться? Всем ясно, что дело плохо.

Скважины, будто уговорившись, загазовали с бешеной силой. Какое-то сверхъестественное давление выпирало газ на поверхность. Земля содрогалась от ярости, словно собираясь разлететься на куски. Газ ревел и бился в трубах. Вместо нефти сплошной газ. Ураган газа. Четвертая, сто вторая, сто двенадцатая — самые богатые скважины вдвое снизили дебит. Газ, газ!.. На глазах гибнет пласт. Стравливается газ, насыщающий нефть, тот самый газ, давлением которого нефть выбрасывается на поверхность. Уйдет газ — и нефть навсегда останется под землей, ее невозможно будет взять. Миллионы тонн отличной нефти!

«Что же делать? — рассуждал директор. — Закрывать скважины? А план?» Нет, он, Осипов, не привык к роли «подсудимого». План, любой ценой план!

В сводках Тунгор еще держался инерцией прежних успехов. И только там, на самом промыс-



ле, уже явственно проступали гангренозные пятна — в свистящем дыхании агонизирующих скважин, в запарафиненных трубах, в панике, охватившей промысел.

Тунгор встретил Егурцова лютыми февральскими буранами. Вытянешь руку — не видно. Машины не ходили. На промысел добирались вслепую — по телефонным столбам. Жал мороз. В крошечной белой тьме надрывно ревели поврежденные скважины, будто стая «ТУ-104» взлетает где-то неподалеку, и не может, и злится, и разгоняет двигатели до невыносимой ярости. Не промысел, а реактивный аэродром, рев исплинских дюз терзал воздух. Аварии почему-то случались всегда по ночам. Лопались трубы, плыла нефть, летели задвижки. В одну такую ночь взревела «четверка». Наташкин, вахтовый, бросился в буран. Бедная, вон как ревет, как ей тяжело!.. Он знал, он предупреждал: добром это не кончится!.. «Четверка» перешла на чистый газ. Она ухала им с артиллерийской силой. «Четверку» пришлось закрыть. На очереди стояли другие. С газом шутки плохи: рядом, у газовиков, зияют гигантские воронки, поглотившие армаду, машины, груды камней. Это натворил газ, прорвавшийся из скважины.

Что ж, закрывать скважины?

А вскоре и высокодебитная двадцать четвертая захлебнулась, дала фонтан чистой воды — умывайтесь, пожалуйста.

Люди понесли заявления об уходе: кому охота смотреть на такие страсти, если ничем нельзя помочь? Новый директор просил подождать месяц. Операторы нехотя соглашались. Ну чего ждать, когда все летит ко всем чертям?

Положение на промысле оказалось хуже, чем ожидал Егурцов, гораздо хуже. Агвиевы конюшни. Того не было, это не завезли. Гаечных ключей, и тех не хватало.

Он сразу невзлюбил свой жаркий кабинетик в конторе — два оконца, пыльный шкаф, испорченные часы. С семи утра пропадал на участках. Ходил от скважины к скважине, от скважины к скважине. Эта перешла на чистый газ, та чудовищно сократила дебит.

— Что это, по-вашему, Ольга Ивановна?

— Очевидно, газовые шапки, пласт истощается.

— А вы что думаете, Олег Викторович?

— Пока не знаю.

— Но вы главный геолог!

— Большинство геологов да и исследовательская лаборатория «Сахалиннефти» считают, что...

— ...пласт истощается, на нем образовались три газовые шапки, скважины немедленно закрыть?

— Да. А я не уверен, еще не знаю...

В конце месяца из планового отдела принесли отчет — выполнено около восьмидесяти восьми процентов. И тут же залился телефон. Егурцова просили приехать из горкома, из «Сахалиннефти». Голоса не предвещали ничего хорошего. Что ж, начинаются «скипидарные» разговоры: ведь он директор отстающего предприятия. Из Охи возвращался мрачный. «Безответственность, все объединение подводите...» Ну, это уж слишком! Всего месяц на промысле, еще толком оглядеться не успел. «Тунгор для Дальнего Востока знаете что?..» Ему ли не знать!

Своими руками открывал он этот промысел, сам имя искал — Тунгор, жизнерадостный Гаргантюа.

Пять лет назад южнее озера Тунгор в землю впился разведочный бур. Горелая тайга, угрюмые ручьи, непуганая тишь. По широте — Калуга, родные егурцовские места; по тарифам — Крайний Север. А бураны? Таких во всем свете не сыскать. Не очень-то веселое местечко. И вот однажды подняли бур — и плеснулся жирный фонтан на стланник, на девственный снег. Егурцов был в тот день на буровой. Поднял застывший бурый кусок. Нефть, богатейшая нефть! Боже мой, сколько ее бы-

ло! Один резервуар — до краев, второй — до краев. Егурцов ночи не спал: скорее бы наладить добычу!

Тунгор числился тогда участком Восточного Эхаби. Егурцова направили на Восточный, когда промысел завалился. Он менял методы добычи, выдирал промысел из прорыва. Наконец наладилось все, пошло. А тут такое счастье привалило — Тунгор, могучий юнец! В шестидесятом Егурцова забрали в совнархоз: повышение. А Тунгор вскоре стал самостоятельным промыслом. Два года все шло отлично. Тунгором укоряли «недоимщиков», его хвалили, о нем писали. Тунгор шел коренным в упряжке «Сахалиннефти». Новые скважины вступали в строй, каждая по сто тонн в сутки. Тунгор, давай! Тунгор, вывози! И Тунгор давал, Тунгор вывозил. Год вывозил, два вывозил. Тунгор — на выставку, Тунгор — в президиум!

...Егурцов взерошил волосы, крепко растер подбородок — вот задачка. Скинул кожанку, потом пиджак, остался в ковбойке с темным галстуком. Метнулся по кабинету. Жалобно тенькнули в шкафу стекла. Хрупкая комнатенка. Насмешливо глянул на себя в стекло дверцы — хорош, щетину отрастил. Лицо жесткое, глаза стального оттенка, волосы откинута назад, мыском выдаются на

Ночью новогодними елками зажигаются буровые.





Алексей Николаевич Егурцов

лоб. Крепкий, жилистый, длинноногий. Наверное, кажется сердитым. А он и есть сердитый.

Выгреб из шкафчика увертливым ватман. Вот он, Тунгор.

— Ну, рассказывай, друг золотой, что с тобой приключилось...

Черные точки на белой фасолке — четвертая, сто вторая, сто четырнадцатая... Находятся в разных концах, а беда одна — газ. Так и прет. По правилам, закрывать нужно скважины: надрывает пласт. Но здесь что-то не так. На воздухе лучше думается. Шапку, ветровик — и на улицу. Отбушевал буран. Воздух прозрачен, как мерзлотный родник. Градусов тридцать, пощипывает за нос. Новогодними елками светятся буровые — порядочная гирлянда. Скромненькими усеченными пирамидками прочерчены контуры фонтанных арматур. По привычке Егурцов косился на манометры. Стоп! На этом стрелку лихорадит.

— Газ погнала! — Оператор Мячин вынырнул из сгустившейся

кто даст не выполняющим план? А насчет директоров Виктор прав. Надо гнать в шею тех, кто забывается только о том, чтоб ему сегодня не намывили шею...

И снова до рассвета вместе с главным геологом Олегом Меркушевым он вымеривал промысел из конца в конец. Задержались у четвертой гребенки.

— Ольга Ивановна, как сто вторая?

— Лезет вверх газовый фактор...

Ольга стояла у мерника, завернувшись в ветровик. На ресницах иней, губы задеревенели. Все время на морозе.

— Послушайте, Оля, ступайте в будку мастеров, немедленно! («Футы, добреньким становлюсь, еще подумают, подлаживаюсь»). А мы тут с Меркушевым последим за отогревом. Который мерник-то замерз?

«Значит, растет газок, уважаемый директор. Гоните пласт в небо. Закрывать скважины? Это тыся-

дцатого слабым глинистым слоем. Здесь и притаился газ. Колоссальное газохранилище, терпеливо ждущее своего применения. Пробури к нему скважину — и свистнет газ, как из проколотого мяча. А вниз газ не может прорваться? Ведь там давление тоже меньше. Пойдите, пойдите! Газ ищет дырку в нижний, нефтяной пласт... Нет такой дырки. Нет. А вот эта? Извините, это скважина, нефтяная скважина. Она забрана обсадной трубой, а затрубное пространство накрепко зацементировано. Все герметично. Нефть отрезана от нахальных соседей цементным щитом.

— Слушай, Олег, а газ-то пришлый, из восемнадцатого!

— Я тоже об этом думаю. Но цементаж... Вот здесь, у устья скважины, цемент. Он не даст верхнему газу проникнуть в трубу.

— А если разрушился цементаж? Просто, скажем, продырявился от воды, газа, времени?

Вот она, гордость тунгорцев, отвоеванная у плановиков и финансистов, — новенькая, жгучая от мороза нефтесборка.



темноты. Он почти сливался с вечером в черном своем тулупчике. — А штуцер пробовали менять?

— Олег Викторович целый день сам возился... — И вдруг с неожиданной злобой заторопился словами: — Э-эх, директора мне! Нос везде совать, а дальше-то носа? Шту-у-уцер! Загнали промысел. Не чинили, не чистили. Я б таких!.. Это ж вредительство! Скважинам тяжело, ишь, дышат как. Люди разболтались, прохвостам такое на руку: нефть давай, деньги получай, а через неделю хоть потоп...

Он вдруг ощутил громкий свой голос в вечерней тишине и смутился. Нозый директор, усмехаясь, остро глянул ему в лицо.

— А ты сам, Виктор Семенович, почему из мастеров ушел? Почему о промысле не подумал? Ведь Тунгор с первой скважины знаешь.

— Учиться пошел... — Виктор ковырял валенком снег. — А промысел, Алексей Николаевич, надо подлатать. И ожидаловку операторам тоже надо...

«И «Бакинец» хотя бы еще один надо и насосную надо, — подумал Егурцов. — Надо, надо, надо... Да

чи тонн нефти. Тут надо действовать с фактами в руках...»

— Алексей Николаевич! (Это Олег.) А ведь вы правы: пластовый газ не рос бы с такой скоростью... Но нужны доказательства.

— Так давайте их искать!

И они искали. Свет в комнате до утра, галстук в карман, воротники нараспашку. Курили, шагали по конторе. Если это действительно газовые шапки, надо закрывать газующие скважины, чтобы не погубить Тунгор. А дальше что? Переводить молодое месторождение на насосы? Чуть, Тунгору четыре года, рановато ему истощаться. Нет, тут что-то не так. Карандаш в руки, мозги в руки. Знания промысловика плюс теория геолога — это что-нибудь да значит!

Вот он, двадцатый пласт, пропитанный нефтью, как губка. Глубококонько забрался — на две тысячи сто метров. А над ним? Над ним уйма разных пластов и пропластков. Почва, песочек, глина. Это все чепуха, неинтересно. Вот оно, вот что интересно — семнадцатый и восемнадцатый пласты! Они совсем рядом с нефтью, только выше и отделены от два-

И газ лезет в образовавшуюся дырку вниз, к двадцатому?..

— Тогда надо попробовать капитальный ремонт — цементаж заново.

— Начнем с «четверки». Задыхит — значит, нет никаких шапок и шляп!

На свой страх и риск Егурцов создал, укомплектовал и вооружил инструментом внеплановую бригаду ремонтников. Во главе поставил Ивана Чевеленкова — очень толкового человека. С грехом пополам раздобыли второй трактор «Бакинец». Едва сводили концы с концами, как вдруг...

— Вы, товарищи, откуда?

— Горнотехническая инспекция. Платите штраф и немедленно прекращайте эксплуатацию скважин. Сто вторую, сто двенадцатую, сто четырнадцатую, сто третью надо закрыть.

— Не закрою!

— Тогда платите. И, кроме того, предупреждаем: вы совершаете государственное преступление, губите месторождение.

— Да поймите: газ не пластовый!

— Доказано?

— Пока нет, но скоро...

— Тогда платите!



Еще мгновение — и буровики сдвинут «фонарь». Оператор Миша Наташкин готов принять первую нефть новой скважины.

Бригады ремонтников работали день и ночь. «Бакинцы» то и дело вздымали свои стальные хоботы, выдергивая насосные трубы из чихающих газом скважин. Агрегаты пыжились, накачивая за обсадную трубу цемент. Надо быстрее закрыть, изолировать скважину от всяких непрошенных гостей сверху и снизу. Поставить перед нефтью цементный щит. Пожалуйте, нефть! Нефть не жаловала.

— Безграмотность! — возмуща-

лись геологи, сторонники теории истощения Тунгора. — Нефть не может пробиться в скважину потому, что в этом месте на пласту сидит газовая шапка.

— Нет там никакой шапки! — гремел Егурцов. — Газ идет из восемнадцатого пласта!

— Где же тогда нефть? — не унимались оппоненты.

Нефти не было.

Вьюжным мартовским утром Егурцов торопился на двадцать

четвертую. Ее пускали после ремонта. Три тысячи тонн в месяц — Тунгору большое подспорье. Было весело. Наконец ударит нефть, отвоеванная у аварии!

Вокруг скважины толпились народ. Лица у всех заиндевели. Ждут. Нервничают. Егурцов кивнул Мячину: надавите газком с соседней газовой скважины. Мячин побежал, зарываясь в сугробы. Стрелка манометра поползла вверх. Пятьдесят атмосфер... сто. Двадцать четвертая всхрипнула, булькнула йодного цвета водой, газом. Чевеленков подставил сапог. На голенище замаслились капли — нефть. Ничего, еще задышит! Скважина капризничала. Потом хлынула вода. Егурцов наклонился, подставил горсточку, попробовал воду на вкус. Уловил в чьих-то глазах ехидство. Ехидничайте, ехидничайте, а вода-то соленая.

— Иван Дмитриевич! (Это к Чевеленкову.) Пласт опять простреляли неправильно. Цементируйте снова...

Что ж, наука дается не сразу.

В марте снова завалили план. Егурцова опять вызвали в «Сахалиннефть». На этот раз разговор был круче.

— Если не справляетесь, так и скажите. И с финансовой дисциплиной у вас скверно...

Потом он стоял у окна в опустевшем коридоре. В стекло, как ночные бабочки, ломались снежные хлопья. Буран разыгрывался не на шутку. Пожалуй, до Тунгора в такую ночь не добраться. «Так ты этого хотел, директор? «Скипидарных» разговорчиков, наконец, внушений? Да, хотел... Хотел чувствовать пульсацию нефти, как эту жилку на шее. Хотел делать так, чтобы лучше уже нельзя...»

Егурцов вершил непонятное. Финансисты и плановики только руками разводили. Промысел катился ко всем чертям. А молодой директор всаживал деньги во «внеплановую» ремонтную бригаду. Бюджет трещал. А он приобрел «Бакинец» и обзаводился планами широчайших преобразований. Новая нефтесборка, великолепная, по последнему слову, новый нефтепарк — каждый бак, как гора, блеск! И еще мощная насосная станция для глубинной закачки воды. Инжекционная скважина здесь, инжекционная скважина там. У финансистов стеснялось дыхание и очки лезли на лоб. Тунгор нахальничал, Тунгор зарывался. Тунгор со всеми ругался и все время чего-то требовал.

Егурцов планировал, носясь на «газике» по промыслу. Вот здесь «ожидаловка» для операторов, светлая, со всеми благами цивилизации. А в поселке клуб и четыре дома. А клуб-то и проектом не предусмотрен. Что, если ревизия?

— Послушайте, Алексей Николаич! У нас должок двадцать три тысячи тонн...

— Ну да? — жестко усмехался Егурцов. — Ничего, конец света не скоро, рассчитаемся. А кино людям смотреть надо, и танцевать, и всякие там скетчи...

В начале апреля ударил нефтяной фонтан на «четверке». Потом на двадцать четвертой. Вот вам и шапка!

— Ну, хорошо, — признали оппоненты, — у четвертой нет, а у сто второй есть, и закройте ее.

Егурцов не закрывал, Егурцов платил штрафы. С Меркушевым в

четыре руки они перерывали библиотечные каталоги. Писали в разные города, просили выслать литературу по затрубной циркуляции газа. На Сахалине вообще не было нефтяных месторождений с вышележащими газовыми пластами. Литературы не нашли. Отыскалась, правда, американская брошюрка. Заокеанские инженеры шли таким же путем, ставили цементные экраны. И это уже неплохо. Есть на что сослаться.

Однажды в будку мастеров заглянула Валя Бордюг, геолог.

— Алексей Николаич! Еще раз проверили пробу на газующих скважинах. Метана восемьдесят один процент, углекислого одиннадцать...

— Значит, восемнадцатый пласт газует?

— Ага!

Радиокаротаж подтвердил это. Поставили на ремонт сто двенадцатую, сто вторую, сто четырнадцатую. Резко упала добыча — заметно во всей «Сахалиннефти». Только в люди стали вылезать — и вот на тебе!

— Ничего, все идет отлично! — доказывал Егурцов плановику, очень смущенному тем обстоятельством, что апрельский план был опять с треском завален.

«Все отлично» — прежний директор от такого сон потерял бы. А этого вроде и не трогает, что промысел ежемесячно недодает тысячи тонн нефти.

— Да при чем тут проценты? — сердился Егурцов. — Вот отремонтируем скважины — все с лихвой восполним. Нельзя только под ноги себе смотреть. Вы лучше полюбуйтесь, какая у нас нефтесборка будет!

«Что собирать-то?» — тоскливо думал плановик.

Разносы в объединении участились. Дело пахло выговором, если не хуже. В самом деле: три месяца прошло, а нефти на Тунгоре даже поубавилось. И Егурцов, краснея на заседаниях в «Сахалиннефти», тоже дивился: три месяца — и вроде ничего не сделали! А когда шел по промыслу, радость бурлила в груди: всего три месяца, а сколько успели! Скважины от парафина прочистили, режим им отрегулировали. Мячин вернулся в мастера, наладил дисциплину среди операторов. И народ хороший подобрался — все двести двадцать семь человек. В маленьком городке ничего не скроешь. Директору это на руку. Он все про своих ребят знает. Кого с первенцем поздравить, кому отпуск немедленно дать, кого отругать за ссору с женой.

С легкой руки операторов появилось на Тунгоре правило: за проступок отчитывайся перед всем коллективом. И уж там пропесочат! Стыдно, ведь соседи. Егурцов с лодырями был суров. Иногда даже одергивал себя: мяче, людей обижаете. Но люди почему-то не обижались. Видно, справедливое слово хоть и жжет, а осадка в душе не оставляет.

За хлопотами, бегом, поисками незаметно пришла весна, поздняя, снежная, но весна. В июне клейко, терпко запахом листвой. Распушились кусты в городке. Егурцов, может, и не заметил бы этого, если б не Колька. Пристал: «Надуй мяч!» Да и Сережа уже годится брату в партнеров, здорово вымахал. Сколько же времени прошло? Да, ведь июнь... По вечерам мягко светятся окна. Благо-

растворение воздуха... Крутится себе земной шар. На нем крохотная светящаяся точка — Тунгор. Кто о ней знает? А тунгорцы живут, смеются, думают. И эта точка им дороже всех...

Июнь принес с собой не только необычное для этих краев тепло — Тунгор перевыполнил план.

В дощатый клуб народу набилось до отказа. Легкие пальто, нарядные косыночки, тщательно уложенные локоны. Современный, комфортабельный городок, а клуб — дрянный. «Эй, подвезем, не свалите клуб!» Хохот. Потом стихает. На сцену взбегает директор, чуть постаревший от темного костюма. Речь кратка — десять минут, как напутствие. Говорит, что с тунгорцами можно сделать все: поняли стратегию производства. Кого называет? Кого? Виктор Мянчин, Володя Осадчий, Ольга Измествина... Все правильно. И несколько цифр на будущее.

В зале жаркий шум. Тунгор понимает стратегию производства, понимает, что вторичные методы, о которых говорит директор, — это нефть, море нефти, это рыба, выловленная траулерами, это регулярные авиарейсы. Тунгор шумит и раскачивает клуб. А директор, притулившись на скамейке, черкает в блокнот: ожидаловка для паро-водо-цеха, диспетчеризация... Скамейка скрипуче огрызается. Вот еще: клуб! Партизанское строительство нового клуба законсервировали. Нагрязнула комиссия: как, за счет жилья? А постановление? А параграф? На Тунгоре жилищная проблема почти решена: у каждой семьи отдельная квартира. А молодежи некуда вечером пойти. Вот до чего иногда доводит безмозглое обращение с параграфом... Клуб надо! Надо, надо, надо... Но кто не даст перевыполняющим план?

Тунгор распалился, ободренный успехом. Прения грозили перехлестнуться за полночь. И в это время из-за кулис неторопливо вышел огромный сибирский кот. Где-то в драке котиче потерял один глаз. Зато второй светил, как прожектор. Кот поджался, поскреб пол и мягко забросил свое громоздкое тело на стол президиума. Президиум, поддакивавший очередному оратору, еще не видел кота. В зале уже видели. Кот яростно зевал и умывался. Потом потянулся и дико мяукнул. Президиум вздрогнул. Зал покапал от смеха, все поняли — пора кончать. Смеясь, повалили на припущенную инеем улицу. В Тунгоре такое бывает и летом: подводит Охотское море.

А лето выдалось удивительно теплое. Цветы, грибы, ягоды. У скважин зазеленела трава. Операторы закоптились, как негры. Операторы сбивались с ног, готова скважины к зиме. Егурцов окончательно забросил кабинетик. Даже «по личному» к нему обращались на ходу.

— Где директор?
— А вот через траншею прыгнул. Да, да, вот этот, долговязый, в ковбойке... Алексей Николаич.
— У меня тут, знаешь, личная трудность...

— Он поймет.
— Да тут еще загвоздка...
— Вот привязался! Говорю: человек он! Понял? Беги, догоняй!

И парень в гимнастерке догоняет тех, двоих.

— Нет, не проси, не могу, товарищ золотой...

У парня екает сердце. Директор вскользь оглядывается на него. Лицо энергичное, брови крутым изломом. А глаза насмешливые. Молодой больно, молодые горячи, молодые рубят с плеча. На всякий случай парень кивнул:

— Здравствуй!
— Здравствуйте! — И отвернулся, резко, размашисто.

— Не могу, золотой, не могу! («Опять «не могу!» Ну и характер!») Пусть через пару годков приходит. Сколько племяннице-то твоей, пятнадцатый? Это же ребенок, ей не работать, учиться надо. Помоги племяннице учиться, ведь зарабатываешь хорошо. А через пару годков возьму ее лаборанткой...

Рабочий заскреб затылок, смущенно усмехнулся:

— Да сама ж работать просится, разве ж не прокормим? — Отстал.

— Вам что?
— Работать... тоже, — мнется парень, робя под пристальным взглядом. — Армия... пятый ряд... невеста... личная трудность...

— Сварщик? В отдел кадров. Завтра на работу. — Директор разглядывает парня. — Через три месяца квартира. Пока общежитие. Учился?

— Семь классов.
— В школу заявление пиши, у нас все учатся... Штангой занимаешься?

— А что?
— Да пропадает зря штанга. Купили — и солят. Ну, счастлива!

В июле ахнула нефтью сто двенадцатая. В августе — сто третья. Осенью приняли от буровиков еще несколько богатых скважин. По всему промыслу ревели бульдозеры, кланялись экскаваторы — спешили упрятать в землю трубы. Поди потом поковыряй, когда земля промерзнет насквозь. А зима врывалась прямо в лето, спешила метелями с залива Пильтун, поглядывала снежком из оврагов. А в октябре установилась прочно — опять до июня. Снова завывали бураны, заснежились вышки, ударил мороз. Почти год исполнился егурцовскому директорству. Его полюбили на промысле за резкую ясность ума, справедливость, моторную неукротимость. За то, что вернул Тунгору его былую славу.

Крутят зимние бураны, но дни здесь не актируются.

На промысле все, как обычно. Каждое утро после обхода участков Егурцов, гремя обледенелым плащом, врывается в будку мастеров.

— Виктор Семенович, сто двадцать девятую мы с Меркушевым пробовали «раскачать». Не вышло. Надо цементировать. Да, на «четверке» трубу порвало. Сварщиков туда.

— А что сто седьмая?
— Тонны пятьдесят четыре.
— Неплохо. Замерьте сто двадцать восьмую.

— Иван Дмитриевич, подземники где?

— Новенькую давим...

День, требуя, радуя, огорчая, туго смыкается вокруг них. От дела к делу, стремительно, как по вешкам, они проходят этот трудный буранный день. И делают все, чтобы дать стране нефть, море нефти. Ведь дело в конце концов не в капризах пласта, не в буранах, не в газовых прорывах. Дело в честности. Дело в человеке.

Оха — Тунгор.

Евгений Марысаев — москвич. В 1957 году он окончил десятилетку. Задумался: аттестат зрелости в руках, а как дальше жить, чем заняться?

И Евгений буровым рабочим поехал с геологической партией в Якутию. Исходил этот край, познакомился с сильными, веселыми, находчивыми людьми — геологами, проводниками-якутами.

Потом строил Марысаев железную дорогу в Карелии, соорудил гидростанцию на Волге, был грузчиком, взрывником, рабочим бетонного завода. Общение, дружба с людьми, неповторимая и суровая красота нашей Родины вызвали потребность писать, рассказать другим о том, что самого поразило.

Сейчас Е. Марысаев работает слесарем на одном из заводов в Москве, учится на заочном отделении Литературного института имени М. Горького.

В шутку

Евгений МАРЫСАЕВ

РАССКАЗ

Гостиница была переполнена артистами, приехавшими на гастроли, и они уже вторую неделю жили в Нюрбинском аэропорту. Зал ожидания тут был тоже переполнен. Юрка спал на лавке, а Володька под лавкой. Когда знакомые девушки в клубе спрашивали, где Володька остановился, он весело, чуть рисуясь, говорил, что у него плацкарта под лавкой. Юрка ходил подавленный, мрачный: ему хотелось поскорее приехать на место, в партию, начать работать. Ехали они из Москвы долго. Сначала на товарняке, который останавливался у каждого столба и в Большой Невер приехал лишь на тридцать четвертый день. До Нюрбы добрались на попутной. И везде болезненно долго ждали транспорт, а он задерживался то из-за больших снегов, то из-за метели. И здесь надо было ждать, хотя погода установилась солнечная, морозная: самолеты и вертолеты летали перегруженными, и их не брали. Самое обидное было то, что до партии рукой подать, каких-то сто километров. Юрка страдал от запахов залов ожиданий, где всегда почему-то пахло чесноковой колбасой, ночью долго ворочался и никак не мог заснуть в одежде, и по утрам у него болела голова. Володьке же, наоборот, все нравилось: и то, что они полтора месяца едут и никак не приедут, и злой якутский мороз, от которого смерзаются ресницы, и даже то, что он спит под лавкой. Особенно ему нравились танцы в клубе, куда они из-за вынужденного безделья ходили каждый вечер. В мягком, пахнущем духами полумраке зала шуршали платья, мелькали ноги в шелковых чулках, и ему казалось, что девушки смотрят только на него, и он воображал себя красивым и становился в позу, небрежную и презрительную. Засыпая под лавкой, он слышал ритмичные джазовые аккорды и в такт им дергал ногами. И еще видел себя стоящим у оркестра с недоступным видом. Танцы он называл «скачками». На самом деле Володька никогда не был надменным и презрительным. Он был веселым и в каждом человеке любил замечать что-нибудь смешное. И лицо у Володьки было веселое: пухлое, краснощекое, и «ежик» на голове казался веселым. Едва ли он был красив; привлекали лишь его глаза, вернее, взгляд, чистый и невинный, как у младенца. Сам над кем-нибудь подтрунивает, а взгляд не меняется. И еще одна слабость водилась за ним: он очень любил лгать. Врал не из-за какой-нибудь выгоды, а просто так, чтобы потом похохотать. Причем и здесь взгляд его не менялся. Юрка невольно завидовал той легкости, с которой Володька сходил с людьми. Стоит им куда-нибудь приехать, через минуту слышится взрыв смеха — он в центре внимания. И, глядя на него, какой-нибудь пьяный пассажир непременно говорил:

— Ты-то простой, веселый, а вот друг твой не то... гордый!
И Юрка страдал оттого, что не может, как Володька, подойти к незнакомому человеку и заговорить с ним или, например, громко захотать при народе. Был он очень длинным, застенчивым и близоруким, носил круглые, в черной оправе очки. Родители Юрки долго размышляли, прежде чем произвести его на свет: сейчас им под семьдесят. И тем труднее было Юрке расставаться с ними. В Москве на вокзале плакали все: и Юркины родичи, и Володькины, и сам Юрка; один Володька шепнул своему другу, что все это здорово смахивает на похоронную процессию, и кусал губы, чтобы не прыснуть. И еще в одном они не сходились, и даже ссорились, и кричали друг на друга: Володька при своей задиристости никогда ни с кем не спорил. Сказал, напри-



Рисунок Г. НОВОЖИЛОВА

мер, начальник аэропорта, что не сможет отправить их еще несколько дней, Володька соглашается: коль ждать надо, что ж, подождем. И при этом закричит:

— Нам что! Наше дело телячье!

Юрка сердился и говорил:

— Если тебе скажут: встань на четвереньки и похрюкай, ты, наверное, и тогда ничего против иметь не будешь?

— Надоел ты, каланча!.. Хуже горькой редьки.

Однако и Володьке хотелось побыстрее улететь: по глупости своей он каждый вечер говорил в клубе знакомым девушкам, что улетает завтра, но на следующий день не улетал и опять приходил в клуб, и ему было неловко.

Утром они пошли к домику начальника аэропорта узнать о самолете.

Юрка шел крупным шагом, а Володька бежал за ним, шмыгая носом: он не выспался.

— Если этот босс не отправит нас сегодня,— вдруг сказал он,— я орать буду.

— Наконец-то и тебе надоело,— сказал Юрка.

— И не говори, подружка...

Аэродром со всех сторон окружала тайга. Дальше, там, где протекала Виллой, громоздились сопки, горбины, скалы, осыпанные сверкающими снегами. Иногда по снегу проплывали тени от самолетов, проваливаясь во впадины и вновь появляясь. «ИЛы» пролетали редко; чаще тархтели в небе местные «ЯКи» и «Антоны». И на летном поле стояли почти одни маленькие самолеты. Около них сновали пилоты, механики. Володька два раза летал на больших «ИЛлах» и на «ЯКи» смотрел пренебрежительно. Около одного самолета он остановился и сказал Юрке так, чтобы слышал пилот, молодой парень:

— Я бы на такой сквороде постеснялся летать.

Пилот сделал вид, будто не слышит его слов. Юрке стало неудобно за Володьку.

— Ты хоть на таком научись.

— Надо мне! Сравнил «макаку» с «явой». Летать, так летать на реактивных!

— Приготовься к бою: начальство идет!

От деревянного домика навстречу им шли два человека. Одного Володька узнал сразу: это был начальник аэропорта. Другой был здо-

ровый детина, лет тридцати, в собачьих унтах и теплейшем каюрском полушубке, за плечом у него висел карабин. Он заметно пошатывался.

— Ну вот, кончились ваши мучения,— первым заговорил начальник аэропорта, приветливо глядя на Юрку и Володьку.— Вот товарищ из вашей партии за продуктами приехал на оленях. Обратное и вас захватит.

— Товарищ где-то успел нализаться,— вставил Володька.

У детины были большие руки, лицо, крупный нос и рот. На слова Володьки он не обиделся, улыбнулся и протянул ему руку.

— Шустрый, салажонок! Никогдаем меня звать.

Володька, явно польщенный, потряс огромную лапищу.

— Меня Володька. А это мой друг и собутыльник Юрка.

— Очень приятно,— сказал Юрка.

— Десятилетку только что кончили? — поинтересовался Николай.

— Ага... Дело прошлое! Ты кем в партии работаешь?

— Работяга.

— Собирайтесь живее, ребята,— сказал начальник аэропорта.— Ваши в партии совсем без продуктов сидят.

— Да ну?! Совсем-совсем без продуктов? Что же они кушают? — удивился Володька.— Интересно! Слышишь, каланча, и мы с тобой, черт возьми, голодать будем!

— Интересного как раз мало,— усмехнулся начальник аэропорта.

— Нам что! Наше дело телячье...

— Володька! Как не стыдно! — возмутился Юрка.

Скоро они были в пути. На головной нарте сидел Николай, завернутый во множество шкур и одеял. В кармане каюрского полушубка у него лежала плоская склянка со спиртом, который он смаковал маленькими глотками, как ликер. Набрался он изрядно и начал петь песни. Юрка и Володька сидели на последних нартах. Олени, рослые, стройные, поджарые, с точеными узорчатыми рогами, шли ходко, дружно. Порою они сливались со снегом, и казалось, будто по воздуху плывут одни рога.

Мороз осатанел. Вздых щелкал, свистел, бил в лицо, на небе выступили кровавые пятна, и все стало белесым; и олени рога, и одежда, и обледенелые нарты. И лиственницы походили на косматых седых леших. Дорога петляла и кружила вокруг сопки.

«Вжжии, вжжии...» — поскрипывая, тонко выводили на поворотах полозья, и впереди бегущие олени исчезали в снежной пыли.

На крутом спуске Юрка свалился в сугроб, и теперь они крепко держались друг за друга. Володьке казалось, что он превратился в ледышку. На то, чтобы подняться и бежать за нартами, согреть тело, у него не хватало сил.

— Может, мы уже на том свете? — ошипим голосом, спросил он Юрку.

Но тот промолчал, и ему показалось, что его слова замерзли на лету. Иногда упряжка съезжала на Виллой. Здесь сразу становилось темно: берега были такими плотными и высокими, что, казалось, сходятся над головою и загораживают собой солнце.

«Вжжи, вжжи...» — визжали полозья, и эхо билось о скалы и было гулким, как в бочке.

Слышно было сытое пофыркивание оленей. Володька даже зубами стучать перестал: ему вдруг показалось, что и челюсти примерзли друг к другу. И мысли в голове замерзли, как пальцы на ногах. Какое-то тупое безразличие овладело им: не хотелось ни двигаться, ни думать, ни говорить. Они не заметили, как упряжка остановилась на распутье двух дорог, и очнулись только тогда, когда услышали бас Николая:

— Что, салажата, дуба дали?

Он стоял огромный, красный, хмельной, с головы до ног закутанный теплейшими шкурами. В другое бы время Володька ни за что не признался, что замерз, но сейчас ему было все равно. Он вдруг почувствовал против этого человека глухое раздражение.

Николай протянул ему плоскую склянку.

— Пососи, малыш.

Володька машинально взял ее непослушной рукою и сделал глоток. Его тут же скрутили кашель и удушье. Николай захохотал, обнажив крепкие желтые зубы.

— Какого черта ты ржешь? — рассердился Володька.

— Вот какое дело, малыши. — Николай перестал смеяться. — Баб у меня тут по всей округе! Как? Не против?

— Они мне в Москве осточертели, — приняв позу, презрительно сказал Володька.

— Перестань врать. Надоело, — сказал Юрка, поднимаясь с нарта.

— Друг твой плохо настроен, — проговорил Николай. — Дело-то хозяйское, можете просто погреться, а завтра живо доберемся... Так я поворачиваю оглобли.

Николай повернулся и пошел к своим нартам.

— Как вы можете? — тихо сказал Юрка и вдруг закричал: — Стойте! Николай остановился и обернулся.

— Мы поедем только в партию и больше никуда. Как вам не стыдно! Там у людей есть нечего!..

Николай усмехнулся.

— Посмотрим, что ты запоешь через полгода.

— Он шутит, — вставил Володька. — Одним днем позже, одним раньше, какая разница? Поехали, босс!

Упряжка тронулась, но Юрка продолжал стоять на месте.

— Не дури, Юрка, садись! — крикнул Володька.

Юрка не взглянул на него, будто не услышал. Володька спрыгнул на ходу.

— Ты что, каждой бочке затычка?

Юрка, нахмутив лоб, посмотрел на него и спокойно сказал:

— Пусть будет так.

— Но нам-то какое дело?

Юрка не отвечал.

Подошел Николай, недобро посмотрел на Юрку.

— Сжался, каланча, у него даже губа дрожит, — шепнул Володька Юрке.

— Я знал, что у тебя ветер в голове. Но никогда не предполагал, что ты пойдешь на подлость, — глядя ему в глаза, сказал Юрка.

— С чего ты взял? Какая подлость? — вскипятился Володька.

— Да! Да! — сбивчиво и неуклюже размахивая руками, заговорил Юрка. — Сначала трудно заметить, вроде бы пустяки: соглашаешься со всем, никогда не споришь. И самое страшное то, что ты и подлость разучился различать!

Володька подмигнул Николаю.

— Значит, между нами равные тапочки?

— Я повторяю, — уже спокойно сказал Юрка, — или мы едем в партию, или я остаюсь здесь.

— Черт с тобой! Отвечать за сопляка... — махнул рукою Николай. — Вовка, айда на головные нарты. В партию едем.

— Ты иди... я здесь останусь, — замямвшись, сконфуженно пробормотал Володька.

Они сели на нартах на расстоянии друг от друга, как чужие, и долго ехали молча.

Смеркалось. Снега стали малиновыми и уже не искрились и не полыхали. Небо было еще светлым, но кое-где зашевелились первые звезды. Прямо над головою нечетким, расплывчатым шаром обозначилась луна. Мороз не отпускал. Все вокруг замерло и оцепенело, и тени от лиственниц не двигались. Казалось, они примерзли к земле.

Володька украдкой поглядывал на Юрку. Тот сидел такой же мрачный, по-старушечьи крепко сжав губы. Володька тоже попробовал так же сложить губы, и ему стало смешно.

— Каланча, черт возьми, ты долго думаешь дуться?

Лицо Юрки оставалось неподвижным. И Володька вдруг понял, что простой шуткой здесь отделаться нельзя, что эта их ссора совсем не похожа на те, которые были раньше. Он силился понять, что же случилось, но понять никак не мог. Он снова попробовал обратиться все в шутку и даже приготовил смешную фразу, но сказать ее Юрке не мог: слова будто застряли в глотке.

Темнело прямо в глазах. Горы почернели, сгрудились, и в тайге что-то беспрестанно шуршало, трещало, и казалось, будто за упряжкой кто-то идет. И олени потемнели и слились с дорогой. Звезды вспыхнули разом, будто сговорились. Они висели неподвижно, лениво подмигивая; над обочинами, в просветах лиственниц, оживали и летели за оленями разноцветными искрами. Иногда они останавливались на полном ходу: упряжка съезжала в безлесные аласы.

У Володьки от холода смерзлились ресницы, и он никак не мог открыть глаз. Он и протирал их задубевшей рукавицей и моргал, но сразу же выступали слезы, и ресницы опять смерзались. Иногда он поглядывал на Юрку. Тот сидел в одной позе так тихо, что, казалось, не дышал. Володьке почудилось, что Юрка замерз, и он очень испугался и осторожно дотронулся до него рукою. Юрка встрепенулся, отодвинулся еще дальше и сказал:

— Не тронь! Ты мне противен.

Над сопками поднялась луна, огромная, яркая, и залила тайгу ровным, матовым светом. Снега заблестели, тонко заискрились. На оленью тропу легли легкие, узорчатые тени. Тени скользили по оленям, по нартам, и от этого рябило в глазах.

У развилины двух дорог упряжка опять остановилась. Одна дорога спускалась вниз, на темный Вилюй, другая круто уходила в сторону. Стало очень тихо. Слышно было, как трутся боками олени. Лишь поднявшись с нарта, Володька и Юрка заметили огни какого-то селения на склоне горы и только теперь почувствовали, что воздух сладко запах дымком. Огни тянулись далеко, до самой вершины, и смешивались со звездами.

В голове упряжки вырос Николай. Шкуры на нем были разношерстные, по ним мелькали тени, и он походил на огромного зверя. Николай остановился против Володьки и Юрки; лица его не было видно; вместо глаз зияли глубокие провалы.

— Ну что? — обратился он к Володьке и кивнул головою на гирлянды огней. — Одумался твой друг? Едем?

— До партии еще далеко!

— Верст тридцать.

— А где дорога?

— Теперь по Вилюю все время, никуда не сворачивать.

Володька повернулся к Юрке.

— Не свернем?

— Не свернем, — отвечал Юрка. — Нет, не свернем.

Они направились к головным нартам. Отойдя немного, Володька повернулся и сказал Николаю:

— А ты, дядя, здесь сиди. И не вздумай подходить. В нос полчишь.

Скоро они сидели на головных нартах. Тугой лунно-дымчатый воздух бил прямо в лицо. Дорога была прямая, без поворотов, и олени перешли на галоп.

ТРИ МАЛЕНЬКИХ ЛЕГЕНДЫ

Самый высокий вулкан Сахалинской области Алайд (2334 м) стоит в одиночестве на острове Атласова. У камчадалов бытует о вулкане такая легенда.

Есть на Камчатке большое озеро, в давние времена залившее кратер вулкана. На этом месте когда-то стоял великан Алайд. Своей громадой он закрывал всем другим горам свет. И те непрестанно гневались. Не стерпев вечных ссор, Алайд удалился и стал в уединении, среди моря. Но в память о своем пребывании он оставил на камчатском озере свое сердце, которое по-курильски называется Учичи, а по-русски — Сердце-камень.

Живет на Сахалине драгоценный зверек калан. Еще во времена первой мировой войны шкурка калана ценилась в две тысячи золотых рублей. К началу нашего века каланов почти истребили. Советские звероводы вступились за чудесного зверька.

У калана смешные «манеры». Он любит отдыхать на воде, опрокинувшись на спину и вытянув задние конечности. Самки плавают, держа детенышей на груди, и время от времени, играя, подбрасывают их и ловят передними лапами. Ест калан рачков, держа их лапами у рта. Зверьки очень любят музыку — сразу плывут на ее звуки. «Смышленость» калана послужила поводом к созданию легенды. Жили когда-то на острове юноша и девушка, прекрасная, как утреннее солнце. Они любили друг друга. Но однажды на остров ворвался хитрый, жестокий чужеземец. Алчный огонь вспыхнул в его глазах, когда он увидел прекрасную островитянку. Влюбленным некуда было бежать, и родное племя не смогло их защитить. Тогда юноша с девушкой поднялись на высокую скалу, обнялись и кинулись в море. В воде они превратились в каланов. Вот почему, завидев человека, калан всегда уходит в воду.

Давным-давно один человек, бродя по берегу моря, набрал себе водорослей и решил сварить из них суп. Но по какой-то причине он не стал сразу есть этот суп. А заглянув в горшок через некоторое время, обнаружил, что вместо супа там студень. Вынес человек горшок со студнем на улицу и забыл про него. Пришла зима, ударили морозы. «Надо бы убрать горшок!» — спохватился человек. Глядь — а там вместо студня белый порошок. «Что за чудеса такие?» — удивился человек и оставил горшок на прежнем месте. Наступила весна, полили дожди. И в горшке снова появился студень.

Так, говорят, люди научились получать из анфельции — морской водоросли знаменитый агар-агар — растительный студень, без которого не может обойтись сейчас кондитерская промышленность.

Валентина КАРАВАСОВА,
сотрудник Сахалинского
краеведческого музея

РАЗДУМЬЯ
О КОММУНИСТИЧЕСКОМ
ТРУДЕ

Сейчас, когда новые и новые тысячи юношей и девушек вливаются в ряды ударников и бригад коммунистического труда, все чаще слышится: «А что дальше? Учеба? Мы учимся»; «Дружба? Мы дружим»; «Работа? Мы работаем, и неплохо».

Так что же? Но ведь все это было и раньше...

Кое-кто видит ответ на эти вопросы в буфетах без продавца, зарплате без кассира, автобусах без кондуктора, открытом доступе к книгам в библиотеке, коллективных походах в кино или театр, в повышении рабочей квалификации. Все эти явления распространились довольно широко, и очень часто их безоговорочно зачисляют в приметы грядущего завтра, объявляют чуть ли не вершиной движения за коммунистический труд.

Один ответственный товарищ, знакомя меня с шахтой коммунистического труда, восторгался тем, что вот-де раньше горняки сдавали свою одежду обслуживающему персоналу, тратили на это много времени, а теперь в мойке и в ламповой сняты замки с индивидуальных шкафов, оборудована общая гардеробная, где на плечиках, как в хорошем магазине, висят костюмы, пальто. И хотя шахтеры оставляют в карманах часы и деньги, не было случая, чтобы что-нибудь пропало.

Что же, все это весьма примечательно. Но в чем здесь коммунизм? В том, что рабочий не залез в карман своему товарищу? Или в том, что рабочий не проехал зайцем, пользуясь отсутствием бдительного ока кондуктора? Или в том, что, перекусив в буфете без продавца, ушел, оставив на прилавке деньги?

Честное слово, даже как-то неловко считать это каким-то особым достижением.

Буфет без продавца, раздевалка без сторожа, касса без кассира и им подобные явления сближают людей, делают их добрее, чище, отзывчивее, внимательнее. Словом, известный духовный накал создают. Но явления эти, в сущности, очень естественны, закономерны, и поэтому элементы новизны здесь быстро теряются.

На мой взгляд, куда более характерными для сегодняшнего дня, подлинно коммунистическими представляются такие явления, как шефство рабочего коллектива над пионерским отрядом, дружба завода и колхоза, общественный контроль на предприятии, общественная библиотека в цехе, на-

родная дружина. За ними будущее!

Но будем трезво смотреть на вещи. Стали ли явления, о которых мы говорим — то же шефство рабочего коллектива над пионерами, взаимные отчеты за труд, учебу, за настрой души, — законом нашей жизни, потребностью сердца? Снимают ли они вопросы: «Что дальше и как дальше?» Нет и нет. И происходит это, на мой взгляд, потому, что все движение в целом, покончив с предисторией, движущей силой которой был в основном энтузиазм, молодой задор, уверенно выходит на столбовую дорожку своего развития, порождает новые силы, не переставая, разумеется, энтузиазма и подвижничества.

Что это за силы? На мой взгляд, очень интересные и перспективные поиски, достижения на этом пути рабочего коллектива челябинских арматурщиков.

Есть в Челябинске завод железобетонных изделий. На этом предприятии долгое время оставал арматурный цех. Чего только не перепробовали, чтобы вывести цех из прорыва! Сколько начальников переменили! Ничто не помогало. Многим кощунственной казалась сама мысль о борьбе за коммунистический труд в таком цехе. А новый начальник цеха молодой инженер Бочаров видел в ней спасение. Он понимал, что цех можно сдвинуть с места только в том случае, если каждый рабочий загорится общественным интересом, почувствует себя хозяином в цехе.

рой схеме: директор дает указания начальникам цехов, те — мастерам, мастера — рабочим, на долю которых, по сути дела, остается одно механическое исполнение. Но разве само понятие «коммунистический» не требует поправки в таких, чисто административных отношениях?

Идея общественной администрации позволяет саккумулировать под контролем партийной организации всю энергию коллектива. «Этот аккумулятор», — размышлял Николай, — назовем его совет коммунистического труда — и приведет цех на новые рубежи».

Николаю было уже не до отпуска. Когда он загорался, не помнил ни о еде, ни о сне.

Сошел с парохода и помчался на завод.

Своей мыслью Николай прежде всего поделился с активом цеха. Товарищи одобрили идею совета, но тут же возникли сомнения. Не получится ли ребенок мертворожденным? Разве мало в цехе всяких организаций? Как бы вместо аккумуляции говорильня не получилась...

— А мы совету власть дадим, — отвечал Николай. — Передает же государство важнейшие свои функции общественности. Миллиейские, судебные, контрольные, управленческие. Само время взывает к этому. Такие вопросы, как воздействие на лодыря, распределение премий, контроль за качеством продукции, за чистотой в цехе, присвоение разряда, прием на работу, уже сегодня можно передать коллективу. А завтра рабочие все управление, всю эконо-

матурном цехе Челябинского завода ЖБИ. Начальник цеха (как инициатор, а не как администратор) стал на первых порах председателем совета. Парторг, профорг, комсорг, семь передовых рабочих — вот состав совета. Отныне приказы и распоряжения по цеху подписывал не Бочаров персонально, а совет коммунистического труда. Поскольку совет юридической силы не имел и вообще был в некотором роде незаконной организацией (в данном случае жизнь опередила юриспруденцию), постановления совета не имели директивного характера, а опирались на сознательность рабочих. И подавляющее большинство восприняло это как должное, как знамение времени. «Раз мы приняли коммунистические обязательства, значит, из приказов и погонялок выросли. Бей меня на сознательность», — легко заметил один из рабочих.

Но выросли ведь не все. Были люди, которые не желали сразу подчиняться новой общественной дисциплине. Для таких постановления совета сохраняли силу приказа, поскольку членом совета был и начальник цеха, под постановлениями совета стояла и его подпись. Такая диалектическая двойственность решений совета являлась своеобразной гарантией принципа единоначалия, без которого немисливо производство.

Никита Сергеевич Хрущев говорил: «Если вы, прежде чем издать приказ, соберете производственный комитет, обсудите среди рабочих все меры, которые надо изложить в приказе, то этот

ЗВАННИЕ



Только вот как добиться этого? Арматурщики отправились за опытом в коллективы, уже завоевавшие звание коммунистических. Зарплата без кассира, книжный киоск без продавца — все это прекрасно. Но главное ли? На кассе без кассира цех не вытянешь, характер человека не переделаешь. Нет, не с этого надо начинать... А с чего же?..

Так ничего и не надумав, Николай Бочаров ушел в отпуск. Плыл по широкой уральской реке, любовался живописными берегами, а мыслями был дома, на заводе. Где же он, главный стержень похода за коммунистический труд?..

Когда же наконец его осенило, то он поразился: как просто! Как раньше они не додумались до этого!

Общественная рабочая администрация! Вот новое и главное слово похода за коммунистический труд!

Судите сами, коллектив берет коммунистические обязательства, а как они выполняются? По ста-

мику возьмут в свои руки. Это неизбежность. Сегодня рабочий день убавился на час, завтра вы будете стоять у станка четыре с половиной часа. Чем занять досуг? Художественной самодеятельностью? Этого мало. Да и не у каждого есть призвание, талант к этому. А вот управлять может и должен каждый. Это из романтики романтика, товарищи...

Вспоминаю те далекие споры и мыслями невольно обращаю к ноябрьскому Пленуму ЦК КПСС. Доклад товарища Н. С. Хрущева как бы вобрал в себя поиски, опыт, надежды тысяч и тысяч Бочаровых, поднял их на высоту государственного обобщения, открыл для них новые горизонты. Красной нитью через доклад проходит мысль: «Настало время расширить и углубить демократические принципы управления предприятиями».

Именно эти цели ставил перед собой и совет коммунистического труда — общественная рабочая администрация, возникшая в ар-

приказ будет иметь куда большее значение и силу».

Именно так и складывались отношения в арматурном цехе. Он постепенно набирал силы. Вместо ОТК появился общественный контролер, вместо штатного мастера — общественный звеньевой, выбираемый сменой и утверждаемый на совете. Несколько позже звеньевые были утверждены приказом директора как общественные мастера.

На какой почве вырастали эти силы, что стимулировало их рост? Энтузиазм и добрые напутствия Бочарова? Да, было и это. Но одними добрыми пожеланиями дело, конечно, не обошлось.

Цементом, скрепившим коллектив, поднимавшим его на новые и новые высоты, явилась сквозная бригада.

До этого в цехе процветала индивидуальная сдельщина. Каждый за себя. Как дела у товарища, в цехе, многих не волновало. Отдельные рабочие добивались высокой выработки, а общая произ-

водительность труда была низкой. Много было приписок, брака.

Совет коммунистического труда с одобрения всего коллектива постановил все три смены объединить в одну бригаду, работать всем на один бригадный наряд. Однако у многих возник вопрос: а как быть с оплатой труда? Не приведет ли новшество к уравниловке? Опасения оказались напрасными. Каждый получал согласно своему разряду и выработке. В то же время рабочий оказывался кровно заинтересован не только в своей выработке, но и в конечном результате труда всего коллектива.

Не скрою, были у молодых арматурщиков большие споры с некоторыми комсомольскими активистами в Челябинске. Кое-кого возмущала такая постановка вопроса в цехе, боровшемся за звание коммунистического. Какой же это коммунизм, говорили они, если человека приходится подталкивать в новую жизнь рублем?

Слова, может быть, и красивые, только пользы от них ни на грош.

Да, мы идем к победе коммунистического, прямо не оплачиваемого труда на благо общества, труда-потребности. Мы славим ростки его и сегодня. Но путь к нему пролегал не через красивые призывы и слова, а через материальную заинтересованность, которая отмирает через наимоследовательнейшее свое развитие. Правильное сочетание моральных и материальных стимулов — разве не об этом сейчас идет речь?

такие условия, чтобы он не мог не быть передовиком.

Возможно ли такое? Сейчас увидим.

Приняв повышенные коммунистические обязательства, арматурщики увидели, что существующие нормы тормозят их выполнение: они слишком низки. Родилась мысль об индивидуальных, внутрицеховых заданиях по каждому разряду. По существу, внутри цеха устанавливались новые моральные нормы, превышавшие старые на 15—20 процентов. В основу их легли достижения передовиков.

«Не можешь взять от станка столько, сколько берет твой товарищ, переходи на нижеоплачиваемую работу» — так постановили рабочие на общем собрании.

Принуждение? Да. Но применяемое подавляющим большинством к ничтожному меньшинству в интересах этого же меньшинства. К тому же, отстающему поможет каждый, ибо все заинтересованы в том, чтобы их товарищ хорошо работал, как заинтересованы в том, чтобы он владел второй и третьей профессиями.

Никита Сергеевич Хрущев говорил на ноябрьском Пленуме ЦК КПСС, что новые нормы можно устанавливать по-разному. При-слать, например, нормировщика, и пусть он щелкает хронометром. Есть и другой путь, партийный, самый верный. Обратиться к сердцу, совести, классовому сознанию рабочего. И тогда он раскроет такие резервы, которые нормировщику и во сне не приснятся. Именно по этому пути пошли в арматурном цехе.

бирал совет? Привыкай, ты хозяин в цехе, ты!

«Хозяин,— думает пожилой сварщик.— Хозяин...» Жизнь у него складывалась нелегко, университетов кончать не пришлось. Работа и работа. Он, конечно, знал, что все заводы, все фабрики, вся земля и ее недра принадлежат ему, но все это было слишком огромно, далеко как-то. А тут он вдруг явственно ощутил приводок, связывающий его со всем этим громадьем. Этот приводок — новое положение рабочего в цехе. Ежечасно, ежеминутно жизнь ставит перед ним вопросы, решавшиеся раньше более или менее узким кругом лиц. Напоминает: «Ты хозяин, думай, решай».

Вот рабочий с товарищами по смене разбирает вопрос о премиях. Он знает, как незаслуженная обида может подрубить человеку крылья, и потому дотошен, вдумчив, как никогда.

И он подробно объясняет парню, почему тот не заслуживает премии, а его товарищ достоин ее. Будь перед парнем мастер или начальник цеха, он шумел бы, до хрипоты доказывал свою правоту, так что в конце концов и сам поверил бы в нее, а после бы жаловался приятелям, что начальство «мухлюет», но сейчас молчит, краснеет только. Эти люди работают рядом с ним, они все видят: их «горлом» не возьмешь.

И все чаще люди, до этого пассивно относившиеся к преобразованиям в цехе, включались в общий трудовой ритм.

Вот подходит парень к начальнику цеха.

ТРИДЕСЯТЬ
ДВА
ДЕНЬ
СМЕНА

Раздевалка
без сторожа —
особое ли это
достижение?

ВЫХОД
ИЗ БЕЗВЫХОДНОГО
ПОЛОЖЕНИЯ

НАЧАЛЬНИК
ЦЕХА
ПРОСИТ
УПРАЗДНИТЬ
СВОЮ
ДОЛЖНОСТЬ

ПРИСОВОЗВОННО, АДЪЮБАН?

И заслуга арматурщиков, что они сумели тесно сочетать общественный и личный интерес.

— Раньше я любил «сачковать», — признался мне как-то молодой рабочий Георгий Морозов. — Меня одернули раз, другой, и теперь бить баклуши мне уже стыдно.

Когда я был последний раз на заводе, я узнал, что Георгий Морозов принес в совет заявление, просил разрешить ему работать с личным клеймом.

Но это еще далеко не все. Привлечение массы к прямому и заинтересованному управлению производством таит в себе ключ, которым открывается множество дверей, пока еще замкнутых.

Взять хотя бы проблему передовиков и отстающих. Работают рядом двое рабочих; один перевыполняет норму, другой еле сводит концы с концами. Как покончить с этим? Благими пожеланиями, разнасами на оперативках? Есть и другой путь. Поставить каждого в

Как возмущились однажды рабочие, какая горечь и обида звучали в их голосах, когда новый начальник цеха — Бочарова выбрали председателем завкома — единолично пересмотрел индивидуальные задания!

— Верно, — говорили рабочие, — в цехе проведена большая рационализация, давно пора пересмотреть нормы. Но почему это сделали без нас? Ведь мы устанавливали индивидуальные задания, мы механизировали трудоемкие операции. Почему же мы оказались в стороне от пересмотра норм? Ведь это же подрыв самой идеи коммунистического движения.

Ошибка была быстро исправлена. Нормы установили сами рабочие.

— Нет, совет не говорильня, — услышал я однажды от пожилого сварщика. — Хозяев растит...

— А ты только сейчас сообразил? — иронически интересуется его приятель. — Не ты ли обсуждал новые нормы? Не ты ли из-

— Николай Алексеевич, непорядок. Арматуру прямо на пол сваливают. Сколько раз за смену нагнуться надо, сколько тонн перебрать. Куча времени впустую тратится. А ведь можно специальный стол с наклоном сделать, арматура сама в руки пойдет.

— Мысль, — говорит Николай Алексеевич. — И хотя рацпредложения здесь нет, но без твоей копеечки бригадного рубля не будет. Иди в сектор совета по новой технике, там тебе помогут.

И парень идет и действует, хватывая и вне рабочее время, и сам удивляется себе: сколько лет нагбался и не обращал внимания, а тут вдруг обратил... Почему? Ветер новый подул, объясняет сам себе парень.

И он не одинок в своих поисках. Учитывая настроение людей, совет с активом прошел по цеху. Взjali на учет все места, где преобладал ручной труд. Таких набралось свыше сорока.

Совет коммунистического труда собрал общее собрание. Разговор

Общественный

выигрыш —

личный

выигрыш

И УПРАВЛЯЮЩИЙ,
И ИСПОЛНЯЮЩИЙ

шел так. Вот узкие места. Что они нам стоят, знаете сами. Если устранять их обычным путем, сверху, то потребуется не менее двух лет. Своими силами можно провести механизацию за три месяца.

И рабочие сказали: «Хватит надрыгиваться, устраним недоделки своими силами». Тут же были созданы группы по пять-шесть человек во главе с инженерно-техническими работниками. Каждая взяла на себя механизацию нескольких операций. Общее руководство походом осуществлял сектор совета по новой технике.

О результатах можно судить хотя бы по такому факту: новый участок арматурного цеха почти целиком укомплектован рабочими, высвободившимися в результате механизации трудоемких и непроизводительных операций.

Мы уже говорили о том, что функции мастеров в цехе постепенно переходили к общественным звеньевым из рабочих, контролеров ОТК тоже теснили рабочие контролеры. В конце концов стало возможным должности мастеров и контролеров ОТК в цехе сократить. Это, во-первых, тысячи и тысячи рублей прямой экономии, но главное тут опять же — утверждение рабочего как гражданина, как хозяина на производстве.

Первые шаги общественных контролеров были часто робкими. «А ты кто такой, чтобы мне указывать?» — нередко слышали они. Стороны шли проторенной дорожкой: к начальнику цеха. «Николай Алексеевич, рассудите».

Но Николай Алексеевич в таких делах неумолим.

— Кого выбрали контролером: тебя или меня? Ах, тебя! Ну, тогда и действуй. Отклонился от чертежа, пусть после работы остается и переделывает. Не хочет? Ставь вопрос перед сменой о том, чтобы бракоделу не оплачивать работу. Пиши в стенгазету.

И рабочий контролер чувствует за собой силу, власть, он полистал книжонку, чтобы не опростоволоситься по части технологии, и уже не бежит к начальнику цеха за подмогой.

Какова же сейчас роль начальника в арматурном цехе?

Разве не видел Бочаров, что вслед за мастерами наступит и его черед, что общественная администрация рано или поздно потеснит и его как начальника?

Не только видел, но и сознательно шел к этому. Он, начальник, свое счастье видел в том, чтобы перестать быть таковым для коллектива. Он хотел быть просто инженером, мечтал о том, чтобы каждый специалист в цехе один день в неделю стоял у станка, как всякий рядовой рабочий.

Как только совет окреп, встал на ноги, Николай пошел к директору и предложил должность начальника в арматурном цехе упразднить, а его перевести в бригады. Он был бы занят на операции, а часть времени уделял бы учебе, инструктажам, оперативному руководству.

Бочаров терял чин, терял заработок, но шел на это, потому что так совесть подсказывала.

Директор долго колебался, советовался с райкомом и отказал. Не думаю, что его смутил вопрос, который он задал Бочарову: «А что потом со мной будет?» Это шутка. Линия партии здесь тверда и ясна. Она особенно отчетливо

рисуеться нам сейчас, после ноябрьского Пленума ЦК КПСС.

Помните: «Органы планирования и учета, руководства хозяйством и развитием культуры, являющиеся сейчас государственными, утратят политический характер и станут органами общественного самоуправления?»

Скорее всего директора завода отпугнули новизна и сложность дела. Кто прав? Кто не прав? Ответить пока трудно. Администрация завода считает, что арматурный цех без начальника сможет работать через год, через два, а в цехе многие убеждены, что такой момент уже настал.

Думается, на предложенный опыт пойти все же следовало. Иначе как докажешь своевременность или преждевременность его? Теоретически, в кабинетной тиши такие вещи не решаются.

Кое-кого смущает такое обстоятельство: «Кто же будет проводить интересы администрации, если не будет в цехе начальника? А ну как не захотят рабочие план выполнять?»

Не смешно ли? Разве почти трехлетняя история того же цеха коммунистического труда не доказывает самым убедительным образом, что никаких особых интересов, противостоящих интересам администрации, у рабочих нет и быть не может?

Чьи интересы соблюдали рабочие, устанавливая новую организацию труда и заработной платы в цехе?

Чьи интересы соблюдали они, механизировав цех своими силами? Сорок трудоемких операций в цехе. За какой-то год коллектив подошел к производительности труда, запланированной на конец семилетки.

Кто выиграл от преобразования в цехе?

Государство. И то, что общественный выигрыш явился одновременно и прямым личным выигрышем для каждого рабочего, — закон нашей жизни, один из двигателей ее.

В «Государстве и революции» Ленина есть такие слова: «Когда все научатся управлять и будут на самом деле самостоятельно управлять общественным производством, самостоятельно осуществлять учет и контроль тунеядцев, баричей, мошенников и тому подобных «хранителей традиций капитализма...», необходимость соблюдать несложные основные правила всякого человеческого общежития очень скоро станет привычкой».

Разве не из этих слов вырастает общественная рабочая администрация?

На заводе ЖБИ маяки коммунистического труда светят все ярче. Здесь тоже получают зарплату без кассира, озеленяют цех, тоже шефствуют над школой и колхозом, тоже овладевают вторыми профессиями. Но все это не выглядит здесь некоей кампанией, все кажется логичным, само собой разумеющимся. Почему? Да потому, что вытекает из положения рабочего на производстве. Он и исполнитель, он и управитель.

Думается, это и есть практическое, ежечасное, ежеминутное строительство коммунизма. Ему не помогут шумихой и пустыми декларациями, а только организацией и организацией, которая и самому энтузиазму сообщает новые черты: дисциплинированность, деловитость, долгую жизнь.

Борис СИРОТИН

НОВЫЙ ДЕНЬ

МОСКВА

Прикованный к плакатной полке,
Пригладив челку на виске,
Я вновь запущен был от Волги
По направлению к Москве.

И вот,
Покачиваясь мерно,
Пускаю дым, мундштук грызу
И пепел стряхиваю нервно
На чью-то лысину аннису.

В окне вороны и березы,
А мне приятно одному:
Дыплю себе и грежу.
Грезы,
Коллебясь, плавают в дыму.

В тех грезах я, прямой и гордый,
Чуть розовый от торжества,

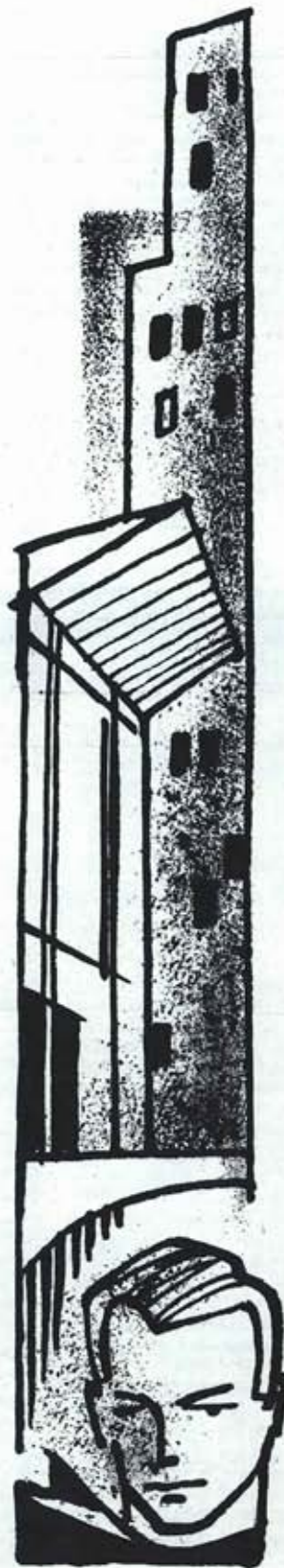
Смотрю на покоренный город:
Она у ног моих, Москва.

Упала предо мной на камни,
О снисхождении моля.
О, наконец она близка мне!
О, наконец она моя!

И я внимаю красок гамме
До круговерти в голове...
А поезд грохал сапогами
Уже на подступах к Москве.

И тут иссякли папиросы,
И канули в небытие
Мои мальчишеские грезы
Пред строгим профилем ее.

...Четвертый день брожу Москву,
Стихи слагаю на ходу,
И не надеюсь ни на что я
И все равно
Чего-то жду...



СОЛНЦЕ

И вот меня уволили с работы.
Нахоленный, сердитый человек,
Поблескивая стеклами очков,
Все задирает небритый подбородок
И правду-матку, горячася, рубил.

Да, я надежд его не оправдал,
Да, я столы исписывал стихами,
И солнце (легкомыслие какое!)
В отчете годовом нарисовал.

Небритый человек,
Вам сколько лет?
Скажите мне, какое будет нынче
Число и что творится на дворе!
Небритый человек...

А было лето —
Я в этом убедился моментально,
Как только дверь передо мной
открыли.

Быть может, не совсем учтиво, но
С расчетом явным —
Прямо в пекло жизни.

Жара по мягким улицам ступала,
Как желтая тигрица,
И, рыча,
Наотмашь била солнечною лапой.
И был асфальт податлив и горяч,
Дымил золой,
Как каравай подовый.

Мне нравилось по улице идти,
Шагать через шоссе в местах
запретных,

Скользить между машин,
Слепы от зноя,
И слушать милицейские свистки;

Мне нравилось глазеть на
пешеходов,
Что окружили потных газировщиц,
Им, жадно пьющим, в нос шибало
солнце.

А разве жажду солнцем утолишь!

Я по бульвару шел легко и быстро,
И круглые,
Клубясь, летели кроны
Прозрачных липок над моим плечом.

Подобно детским дымчатым шарам,
Они взмывали вверх, но застывали,
Привязанные тонкими стволами,
Как ниточками,
К солнечной земле.

Я бодро шел.
Мне нравилась жара.

В моем селе
Сейчас, поди, хлеба,
Покрытые сухим степным загаром,
Ворочаются в поле тяжело,
Бока потокам солнца подставляя!..

Огромный мир пылал передо мной.

Отныне ты не загорожен шкафом,
Мой день,
И не задавлен канцелярским,
Чернилами заляпанным столом!

Мешки с зерном
Ворочать буду я,
И, словно рожь, от солнца порыжею,
Пропахну хлебом, степью и землей,
И буду громко говорить стихами.

...Я дома растянулся на тахте
И слушал, как пчела, иль самолет,
А может быть, пружина подо мной
Звенит и постепенно затихает.
И я уснул, счастливый,
А наутро

Вскочил, и прочь откинул одеяло,
И выглянул в окно.
Был новый день.
Гремело и сияло
Над крышами взорвавшееся солнце...

МЫ И МАШИНЫ

(К дискуссии о кибернетике)

Звероподобны, душу бередили
Себе и жили так,
Хоть волком вой.
Но медленно и верно восходили
Огромную над миром голову.

Мы были неотесанны и грубы.
Но мысль росла,
И знание росло,
И складывались каменные губы
Для слов,
И подчинялось ремесло.

Мы всякую напасть
Встречали грудью,
Дробили камень, плавил металл,
И наша мысль
Теснилась в книжных горах,
И разум сотни форм приобретал.

Проспал он вездесущим и крылатым,
Отточенным, как точное число,
И под его напором
Сдался атом,
И знание росло,
росло,
росло...

Мы все его в себя
Вместить не против,
Но эти груды города сотрут!
И вот уже, как призраки,
Мы бродим
Среди покрытых пылью
Книжных груд.

Мы просто муравьи перед горою,
Мы знания изможденные рабы;
Мы слишком легкомысленны порою,
Чувствительны и память слаба.

А сколько мы еще не совершили!
И ночью,
В бледном зареве луны,
Нам мыслящие греются машины,
Нам очертания роботов видны.

Мы к ним обращены
С мольбой и верой,
Их пестуем, железных, чуть дыша!..

Не спится мне.
Рассвет сырой и серый
Стекает с острия карандаша...



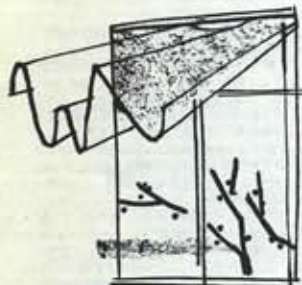
КУРОРТНИКИ

Воды сверкающая масса —
И вот курортники в воде...
А солнце плавилось,
Как масло
На голубой сковороде.
Но этим солнца было мало,
В них жадность,
Словно хворь, жила,
И море то приподнимало,
То опускало их тела.
Они, похоже, лет на десять
На пляже заняли места,
И я, приехавший на месяц,
Был озадачен неспроста.
И все ж кусочек пляжа с бою
Я взял, сжимая кулаки.
...Лежу. На небо голубое
Смотрю сквозь черные очки.
И служит мне кусочек солнца,
Кусочек моря служит мне,
И я покрываю сочно,
Доволен отдыхом вполне.

Но вскоре рухнули иллюзии.
Уж больше боли не тая,
Я громко крикнул:
«Где вы, люди!» —
Как будто был в пустыне я.
Сверкало море,
Плыло небо,
И чайка белая плыла,
А я кричал, шагая слепо
Через вертяльные тела.

Их была солнечно-рябая
Волна, но, яростно сияя,
Они клубились, подгребая
Большое море под себя.
Воды им тоже было мало,
И я смотрел на них в тоске.
Их жадность, жадность подмывала!
А те,
Что были на песке,
Глазели празднично и сонно
В лазурь сквозь черные очки,
И, нищим,
Сыпало им солнце
Горячих бликов медяки.

ОСЕНЬ



И снова это время года:
Сухое пламя синевы
И шевелящиеся горы
К ограде сдвинутой листья.

О солнца спелые початки,
Земля в холодном серебре
И черных веток отпечатки
На красной каменной заре!

Мятущееся время года,
Пыль уставшее, когда
Кругом безлиственно и голо,
Лишь прутья веток, провода.

Но людям обнаженность эта
Мила: весь город на виду.
Он сер и гулок, словно эхо,
И вздрагивает на ветру.

А ветер гонит, как бумагу,
Листву,
А ветер в окна бьет,
Когда врывается с размаху
В сырое небо самолет...

Мятущееся время года,
Душа твоя обнажена,
И над тобой светло и гордо
Большая катится луна.



Это не поэтический диспут, хотя остроты и поэтического жара у оратора хоть отбавляй. Что такое дом — дом, построенный для человека? Это тишина, свет, удобства. Пришел с работы — и отдыхай, веселись себе на здоровье. Плохо построенный дом — преступление. Об этом, собственно, и шел разговор.

Недавно в Южно-Сахалинске появился домостроительный комбинат, выпускающий двадцать четыре сорокакомнатных дома в год. С крупными панелями всегда было много недоразумений. У сахалинцев их вдвое больше: комбинат делает первые шаги, он сам еще достраивается. А время не ждет, время торопит.

В Южно-Сахалинске растет большой жилой массив — местные Черемушки. Стройные кварталы — десятки домов, плавательные бассейны, магазины, детские сады и прочие атрибуты современного города. А на очереди уже новый массив. Такой же обширный и еще более современный. Темпы стремительно нарастают. Спешат строители, спешат работники комбината. Как же скорее ликвидировать огрехи? Может, просто чаще надо встречаться и в глаза высказывать друг другу все претензии?

Первой в гости к молодым домостроителям пришла лучшая бригада монтажников Василия Подбельского. Много горьких слов сказали ребята друг другу. Но зато

РАЗГОВОР ПО ДУШАМ



Кузьма Килев: «Ну и пропесочили вы нас, аж жарко стало! Ничего, все на пользу пойдет! Предлагаю — почаще встречаться».



Иракий Колосов: «Вот вы говорите о браке. А как на стройке бывает брак. А замечания ваши непременно учтем...»



теперь те, кто въедет в новые квартиры, не будут с опаской поглядывать на подозрительный балкон и спасаться от вторжения разных стихий. Молодежь решила сдавать дома с гарантийными паспортами.

Познакомьтесь с некоторыми участниками этой встречи.

Известный на Сахалине бригадир строителей Василий Подбельский (слева). Василий на строительном деле, можно сказать, «собаку съел». На Сахалин он приехал по договору. Настроение было «материновое»: година три отработаю — и прощай, остров! Отработал три года, а уезжать неохота, снова заключил договор, потом еще. Так стал Василий Подбельский коренным сахалинцем.

Дел здесь строителю по горло. Вот, например, сахалинские Черемушки — в каждом доме есть труд его бригады. А бригада неплохая: бывает, за пять дней возводит целый этаж.

Кузьма Килев — комсомольский секретарь комбината и мастер касетного пролета. И то и другое — весьма ответственные посты. Кузьма старается. После армии он работал на разных стройках. Однажды привезли его с экскурсией на домостроительный комбинат. Водили по цехам, показывали: «Вот кассеты... А рядом стендовый пролет...» Душно, пахло цементом, гремели кружева арматурных сеток. Ревели панельовозы, втискиваясь прямо в цех. И почему-то становилось грустно. И хотелось самому понять, отчего вторая кассета гонит и гонит брак.

«Понимаешь, вот здесь всегда у вас закладные детали перепутаны».

Михаил Дорофей, лучший звеньевой бригады Подбельского: «Почему так часты перекосы в панелях? Начинаешь монтаж, а перекрытия в разные стороны...»



Юрий Новгородцев — лучший сварщик домостроительного. Его любимая фраза: «А вы знаете, что такое сварка? Это дело любить надо...» Сварочный аппарат представляется Юре существом вполне одушевленным. О своей работе он говорит настолько горячо, что отъявленные лодыри начинают стыдиться и расквашиваться. Это сварщик-ювелир. Из-за него чуть не разгорелась «тройная война». Монтажники переманили было Юру в Черемушки. Комбинат сражался три месяца и четыре дня — Юру вернули.

Иракий Колосов, главный инженер комбината, увлечен крупными панелями. Всего год назад Колосов пришел на комбинат мастером. Сейчас «главный» занят перестройкой цехов: на скорую руку делали, многое лучше перекрыть.

Но вернемся к собранию. СТРОИТЕЛИ ЖАЛУЮТСЯ. Закладные детали бывают не на месте. Песок для бетона плохо просеивается. Панели не выдержаны в размерах.

КОМБИНАТ ОТВЕЧАЕТ. Закладные уже крепим болтами и песок будем просеивать лучше. Ведется ремонт кассет.

Встреча затягивается, вечер на исходе. Пора бы уже по домам. Подождите, еще одно замечание. Комбинат и монтажную площадку выделили в самостоятельные организации. Качество панелей теперь не очень-то волнует домостроителей: здесь расхлебывают монтажники. А им далеко не всегда разрешают поднимать свой голос: у комбината и стройки один хозяин — «Госстройтрест» № 1. И частенько получается так, что честь мундира ставится выше честности вообще. «Не можем



Юра Новгородцев: «Сварка арматуры — это ювелирное дело! А у нас разве условия соблюдаются? Холод, грязь...»

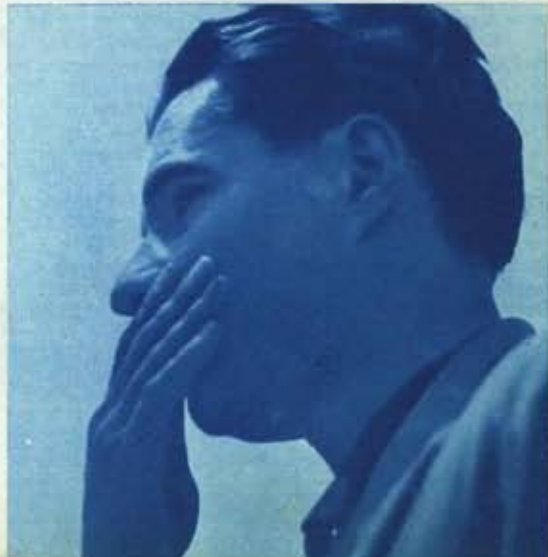


Василий Подбельский (слева): «Ну, кажется, все домостроителям выложили?»

принять такие панели, — говорят строители. — Это брак». «А план? — намекает трест. — Нехорошо, полетит план строительства. Да и домостроителей подводить тоже нечего. Берите панели, сгодятся...» И бракованные панели берут. Трест выполняет план.

Мы хотим спросить руководителей треста: «Вам хорошо, а каково будет новоселам?»

Да, после такого разговора есть над чем задуматься.





МЫ НАПРАСНО ждем «Ост» — прославленный сахалинский сейнер. Тихий океан вразвалку гуляет по Холмску — мокрый, тугой ветер сдирает крыши со старых домов, рвет у окон связки вяленой горбуши и наотмашь, солено и резко хлещет по лицу. Ветер расплескивает лужи, звенит консервными банками, низвергая их с горбатых улиц. Каноида моря давит на перепонки. От ветра слепнут маяки у брекватера¹. Кривая барографа, дрожь, съезжает к самому краю ленты. Давление падает. По всему западному побережью Сахалина гремит десятибалльный норд-ост.

Мы напрасно ждем сейнер капитана Сипатрина, опередивший всех в эту сайровую путину. Едва вынырнув из-под острога плавника залива Терпения, он получил штормовое предупреждение. И сейчас восточный ветер остервенело бьет в поджарый бок своего тезки, пытаясь вышвырнуть «Ост» на берег, в сугробы прибойной пены. Сейнер старается во все триста лошадиных и шестнадцать человеческих сил, он болтается, как ванька-встанька, и радиолокатор чутко приноживается к прячущимся в тумане мысам.

На вахте стоит невысокий чернявый старпом. Прошедшая путина — первая в его жизни. Когда же барометр, словно устав падать, вдруг шахрается вверх, в рулевую рубку одним рывком поднимается капитан: «Ну-ка, дай, Викторovich, мне...» И вот тогда начнется. Надо будет продержаться до тех пор, пока из сутолоки неба и воды не вынырнет Анивский маяк. Это залив, это Корсаковский порт, это место, где «Ост» может выждать, пока циклон, разрядившись ураганым норд-вестом, не исчезнет, как смерть.

...Во Дворце моряков ярко вспыхивают окна, звуки музыки заглушают рев шторма. По залам кружатся в вальсе капитаны «Ольхона» и «Руси», «Орджоникидзе» и «Мармарика», «Омска» и «Ои». Начинается радостная неразбериха встречи моряков с берегом: в многомесячном плавании именно это местечко на земле светом маяков и силой воспоминаний спасало рыбаков от штормов и тоски, давало рыбацкую удачу. В прошедшем году сахалинцы выполнили годовой план еще в октябре.

— «Ост», «Ост»! Почему не отвечаете? Сообщите местонахождение. Перехожу на прием...

Барометр пополз вверх. Ветер с разбега остановился, словно соображая, откуда же ему теперь ударить. С неба глазели умытые звезды. С хлорвиниловых чепчиков мичманок скатывались прозрачные капли.

А в порту, закипая пеной, уже перехлестывался через брекватер накат. Суда, не успевшие пришвартоваться, поспешно отходили в море, закипая все ходовые огни. В северном «ковше»² мачты сейнеров, оплетенные паутиной снастей, вышисывали по небу нервные кар-

КОРАБЛИ ВОЗВ

диограммы. Их каюты еще были полны океанским ветром, вывезенным из-за Курил. Только что закончилась самая удачная для тихоокеанцев сайровая путина.

Сухощавый капитан «Калуги» бежал по пристани и кричал, грозя корячьим кулаком:

— Эй, на «Орше»! Трави конец на берег, сушкины дети! Долго на моей «Калуге» будете висеть? Уже борта трещат.

«Охотск» спешил отгрузить из трюмов плоские ящики мороженой сайры. Замешкавшаяся «Русь» сдавала кладовщику сайровые люстры и матовые от соли зеркальные лампы. Сейнеры покидали опасный северный причал и жались под бок черному лихтеру. Капитаны отлично помнили, как таким же вот норд-вестом выбрасывало суда из «ковша» прямо на ремзавод.

Синоптики сообщили: на базе тралового флота, в Невельске, уже двенадцать баллов. Это километрах в тридцати от Холмска. Мы вернулись из Невельска два дня назад. Можно представить себе, что там сейчас творится. Ребята на «Напоре», наверное, со смехом ловят на столе кают-компания развеселившиеся тарелки или пускают гулять по полу ботинок боцмана — он суетится и лезет на ноги, как щенок. В каюте капитана Крикунова покачивается красным огоньком «Лодия Охотского моря» и, раскрывшись на середине, ползет к краю стола серый судовой журнал.

Это, пожалуй, самая увлекательная книга о море. В ее пропахших солью страницах «полярный огонь» Берингова моря, капризы Олюторки, зеленое свечение бристольских льдов, ветровое зверство охотоморских побережий, хо-

лодная ярость от молчащего эхолота и азарт погони за уходящими косяками.

Мы листали страницы судовых журналов, как дни. Их были сотни — рассветов, сумерек, полдней...

БЫЛО УТРО, тихое и морозное. Даже среди синеватых льдин чувствовалось уже свежее и теплое приближение весны. Ветер с Аляски пах тальм снегом. Острый луч полярного солнца, прорезаясь сквозь тучи, играл в стеклах приборов, отбрасывая юрких зайчат.

После черных штормов, льда, после ветров, от которых заходит сердце и хочется выть по-волчьи и не двигаться, после серого сумрака, длившегося целую вечность, эх, какое у всех было настроение! Хотелось работы да поскорее, чтобы ощутить все свое тело, крепкое и ловкое. Но эхолот, не обнаруживая косяков, молчал, и капитан Евгений Крикунов держал «полный вперед».

Крикунов весь острый, легкий, пружинистый, будто специально отлитый для тесных рыбацких кают, узких переходов и лестничек. Острый на слово, на глаз, на ухо. Мореходка в Невельске, а потом во Владивостоке превратила расплывчатые мальчишеские мечты о море в упорную, осознанную страсть. Но где-то в излучинах острой его иронии нет-нет и проглянет мечтательный юнга.

«Напор» прочесывал океан, раскачивая длинные зеленые блики. Термометр для воды указывал потепление верхних слоев — то по носу, то по правому борту. Для сельди есть свой температурный оптимум. И Крикунов, гоня «Напор»,

¹ Волнолом, мол.

² Место стоянки судов.



борта мечутся ушастые сивучи, обиженно режут, не понимают, зачем убрали рыбу. Живая радуга льется на палубу и мокро трепещется. Пронзительно пахнет рыбой. Сельдь течет ручьями по лотку прямо на засолный стол. Жилые руки подхватывают скользкие тела, обкатывают солью, укладывают в бочку с приготовленным загодя тузлуком. В бочку, в бочку! Забондарить — и новую. В бочку, в бочку! Руки сводит от холода и быстроты. В бочку, в бочку! А над палубой уже зависает второй кутец, третий. Вот это денек! Палуба залита рыбьим соком и тузлуком. По высоким сапогам течет серебряная чешуя. Трюм забивается бочками. Бочки строятся на палубе, лезут друг другу на плечи. Бондари трут поясницы. Раз, два — взяли! Ничего себе весит бочонок! Который он? Сотый? Тысячный?

В кают-компании на столе чайник, сахар, масло, хлеб. Гремя сапогами, туда время от времени скатывается кто-нибудь, бурый от ветра, и шумно глотает разбавленный чаем сахар. Ломоть хлеба с маслом — уже на бегу.

— Когда жрать будете? — кричит озверевший кот. — Все перепарил, черти! — И сваливается к себе в камбуз, оскальзываясь на рыбьей чешуе.

«Напор» тяжело пашет море. В дымчатом небе загораются полярные звезды. Они виснут на мачтах, путаясь с траловыми огнями. Север опять возвращается с полюса, обмораживает лицо, стеклит палубу. В двадцать ноль-ноль спускают кормовой флаг. Команда усаживается обедать. Рулевой, осторожнее: льды!

Вахтенный пишет в судовой журнал: «Ветер зюйд-вест, четыре балла. Лед. Проведено пять тралений. На борту 800 центнеров. Идем к рефрижератору «Орель» на сдачу». Вахтенному двадцать с небольшим, ему хочется приписать, что сегодня была настоящая весна. Но это уже не полагается.

Через несколько дней Н. С. Хрущев поздравил команду сейнера «Напор» с выполнением годового плана.

РАЩАЮТСЯ В ГАВАНИ

искал именно такое «теплое» местечко. Эхолот дробно постукивал, на его ленту все гуще сыпались темные черточки. Тупоносый сероватый клин — молодь, потом черточки темнеют, лепятся одна к другой — хороший косяк взрослой сельди. Вахтенный беспокойно поглядывает на капитана. Люди томятся, ждут. Сейчас бы трал за борт!

Внизу, под килем, плывут голубые косяки. Радист Махов не выдержал, выскочил на палубу. Тралмастер у лебедки косится на рубку. Ну, что ж ты, капитан? Так можно, к черту, проскочить косяк. Вон там, на горизонте, уже кто-то увязался по пенному следу «Напора». Дружба, конечно, хорошо, но зачем дарить косяк соседу, если у самих в трюме торичелиева пустота?

Засольщик Капитунов хмурит размашистые брови, кусает обветренную губу — руки токут из-за этих проклятых штормов. Что ж ты, кэп? Крикунов поднял на мостике стекло. Солнышко солнышком, а ветер, как лед. Эхолот, словно обидевшись, реденько плюется черными точками. Жирный косяк остался за винтом. Володя Серяков, второй помощник, ерзает на стульчике вахтенного. Неужели ошибся капитан? А ведь утро сулило такую охоту! Что это? Температура воды за бортом опять растет!

— Средний ход! Трал за борт!

Трал с плеском уходит в зелень воды. «Напор» вертится, расправляя его, что твоя светская красавица дежайф.

И наконец долгожданное, высекающее улыбки и испарину:

— Пошел вайера! Полный вперед!

Вот это жизнь! «Напор» летит стрелой, выметывая за борт металлические струи вайеров. Пена, брызги, чайки, ветер. Эхолот грохочет и греется. Чернота плывет по ленте. У Серякова сердце трепыхается в горле. Там, в воде, парашотом надувается трал. Все смотрят на воду, молчат.

— Стоп вайера!

«Средний ход». Вот теперь все, даже кок, чувствуют, что пахнет весной, и что в горах у Холмска цветут одуванчики, и что скоро тралмастер, чертыхаясь, начнет осматривать сети для летнего лова и будет кричать, что такими сетями дохлах лягушек ловить, а не рыбу.

Ботман нервно, солено шутит, и все посмеиваются, не сводя глаз с океана за правым бортом. А внутри жжет и екает — без этого не бывает настоящего рыбака.

Капитан выходит на палубу и прикладывает ладонь к вайерам. По дрожи троса он узнает, полон ли кутец. И молча уходит к себе в рубку.

Проходят еще томительные полчаса. Заработали траловые лебедки. Чайки неистовствуют вокруг. От их тугих крыльев гремит воздух. Палуба вся взрывается репликами.

— Пришел невод с травой морской...

— У нас однажды вот так торпеду зачерпнули...

— Ой, мамочка родная, что ж долго-то так? Вода зеленеет, потом заметно светлеет в одном месте, голубее, голубее. Палуба замораживает. И в этот момент, как гигантская пробка, с плеском выскакивает кутец. По-о-о-о-о-о-о-о-о-о-о!

Чайки обмирают от жадности. У правого

БЫЛА НОЧЬ, редкая даже для этих широт. Осенью хорошие дни в Бристольском и Олиторском заливах — вообще исключение, исключение они и у охотоморских берегов. Судовые журналы пестрят записями: «Норд-ост 8—9, норд-вест 10—11». И, надо сказать, рыбаки приспособились ловить рыбу в штормы.

А вот и та сентябрьская ночь. Норд-ост 12 — это ураган. Из таких ночей возвращаются не все. А те, кто возвращается, во многом заново узнают друг друга.

«Подольце», молодежный траулер Вячеслава Адамова, ловил сельдь до девятого балла. Рыба испуганными комками забивала ячеистый капрон. Сети тонули от тяжести. «Сететряска» билась, как в лихорадке. Рыбу сливали прямо в трюм: с палубы все слизывалось начисто. Да и стоять уже не было возможности. Ребята от качки валялись в сети, сбивали колени и ладони.

Когда же горизонт принял скользкий отсвет ртуть, сети подняли на борт, задраили люки и приготовились штормовать.

На «Подольце» был уже изрядный груз сельди. Судно сидело глубоко. Первыми же ураганными порывами порвало оснастку, лопнул на шлюпках брезент. Ванты стонали под тяжестью мачт. Волны шли такой чудовищной высоты, что трещали стекла в рубке. Все предметы на «Подольце» покинули свои места: лево на борт, право на борт. Лена Солодкина, старпом, припомнил весьма кстати, что в такую же ночь их «Оржину» выкинуло на камни и замерзнуть бы им среди снега и непролазного бамбука, если б не пограничники...

КОГДА ЗА ПЛЕЧАМИ РЮКЗАК

Турбаза «Горный воздух» открывается сразу у подножия горы Российской. Вокруг все голубое и белое.

Там березы стоят на юру голубом,
Там несется весна на ветру голубом,
Там, в лесу голубом,
голубой бурелом...

Все так и есть, по Луговскому. Даже красивее и голубее. Посмотришь вокруг — и кружится голова. В морозном воздухе плывут снеговые вершины, вольно перекатываются хребты. Воздух Сахалина пахнет морем. Летом к нему примешивается густой запах ягод и трав. Зимой — аромат нетоптаного снега.

Стремительным зигзагом падает с неба трасса гигантского слалома. Неподалеку — козырек трамплина, по

высоте, кажется, четвертого в Союзе. «Уезжать не хочется. Мы восхищены базой, снегом, приемом!» — записала в книге отзывов сборная команда лыжников РСФСР. Эстонские учителя, московские врачи, магаданские горнолыжники приезжают сюда за тысячами километров отдыхать. «Остров сокровищ» манит жителей материка легким взлетом горных вершин, шумом морского прибоя, мшистой дремучестью лесов, богатой рыбалкой и охотой.

Да и сами сахалинцы любят свой «Горный воздух». Зимой, летом и осенью сюда приезжают сотни людей из разных концов области. Учителя из Охи и моряки из Невельска, рабочие с Курил и бумажники Холмска. База уже не в силах разместить всех желающих: она рассчитана всего на сто сорок человек. Скоро рядом



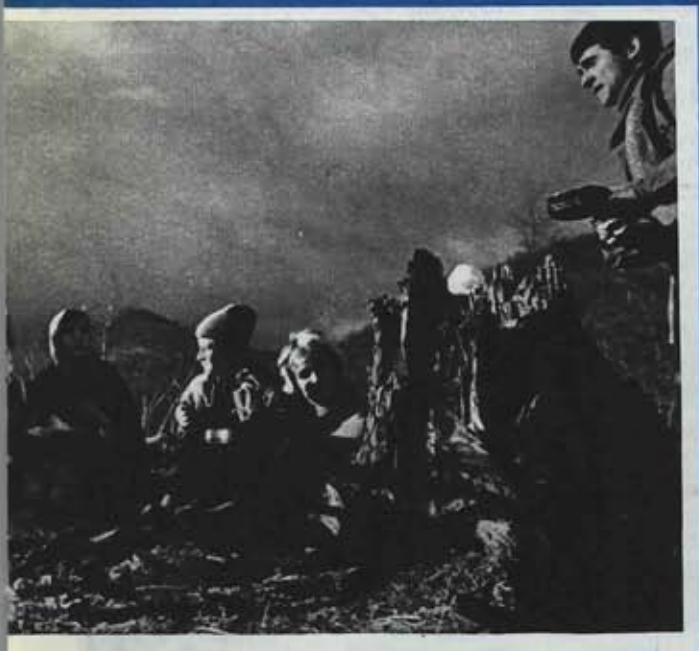
появится гостиница на сто двадцать мест. Будут построены бассейн, отличный горный подъемник, спортивный зал.

Но самым любимым занятием отдыхающих, пожалуй, останется туризм. Рюкзак за плечи — и в путь. Впереди шагает инструктор. Позади, цепочкой, врачи, радиотехники, студенты. В путь! Обрывистые спуски, крутые подъемы, назойливые заросли бамбука. Колючие кусты аралии цепляются за штормовку. Под ногами хрустят толстые стебли «медвежьей дудки». Здесь все перепуталось — юг и север. Ветер упруго давит в грудь. И вдруг как награда за труды с пика Чехова, высочайшей точки Сусунайского хребта, распаивается огромный простор: на востоке — Охотское море, на юге — Анивский залив. И тут как бы заново постига-

ешь: Сахалин — единственная в Союзе островная область.

Высотный ветер сдувает шелуху мелких обид и недоразумений, которые ты притащил с собой снизу. Сидишь на вершине и смотришь вокруг. Простор, ветер и небо. И ты рад, ты поешь самую веселую из известных тебе песен и мечтаешь о костре, на котором можно сварить похлебку. Улетучивается накопленная усталость, и проветриваются мозги. Время от времени горный воздух совершенно необходим человеку. Его надо прописывать как лекарство.

А вечером гостиница встретит туристов уютным светом и музыкой. Тут можно потанцевать, посмотреть журналы, разыграть индийскую защиту. Но это вечером. А пока светит солнце — в путь!





Они не успели побриться и приодеться «для кадра»: «Ост» только что вырвался из ураганных тисков. Моряки читают первое поздравление с берега. В центре — Саша Сипатрин.

О СТР. 15

Ближе к рассвету раздался страшный удар, от которого рулевой отлетел в комнату штурманов. Матросы, сидевшие в кормовой кают-компании, говорили потом, что было такое ощущение, будто «Подлец» разломился пополам и шестует в гости к Нептуну. Некоторые салажата изрядно перетрусили и кинулись задраивать иллюминаторы. В тот же момент сыграли аврал — всех наверх. Наверх — значит на палубу. Ого, палуба еще есть? Палуба — это наковалыня, по которой гондит волна весом в десятки тонн. Палуба — это разогнанные качели, ведь креномер показывает шестьдесят пять градусов. Мачты касаются воды, и, того гляди, киль окажется выше рубки. Аврал в такое время — знак смертельной опасности для судна.

Запасной якорь, сорванный волной с носа, перемахнул через брашпиль и устремился к рубке, круша все на своем пути. Палуба лоснилась жутковатой чистотой. Волнами с нее было сдернуто, содрано, слизано все, что не держалось железной силой клепки или болтов. А человеческие руки из сухожилий и костей, могли они удержать? Якорь под руководством капитана поймали и водрузили на место. Значит, человеческие руки могли. Это факт, хотя и не объяснимый с физической точки зрения.

Путешествие якоря дорого обошлось «Подольцу». Но это обнаружили уже днем, когда чуть-чуть посветлело.

В ту ночь по всему океану несло: «SOS, SOS, SOS!» Рыбачье шхуны, баржи, транспорты под разными флагами сами выбрасывались на берег. Некоторые разбивались при этом в щепки. Ведь и в наш электронный век гибнут в море моряки! В ту ночь сейнер «Осиновец» выбросило на второй ярус рифов. А «Гладиатор» и «Память Азова» сели брюхом на песок. Песком забил машины, погас свет. Вокруг ревели небо и море. Все раздиралось в мелкие клочья, и волны по громадности напоминали цунами.

Флагманский капитан сверлил тьму дремлю морзянки:

— «Отлив», «Отлив», почему молчите? «Ньютона», как с локатором?

Только флагману в ту ночь разрешалось тревожить эфир, распахнутый настежь для сбивчивого шепота: «Спасите наши души!»

Откуда-то из урагана откликнулся «Ньютона»: «Стою на якоре из сельдей!» У него затонули перед бурей сети, и траулер до поры до времени держался за них. Об этой ночи потом рассказывал Петр Даншин, второй помощник с «Ньютона», большой, улыбочный, как его Одесса, в скригучей кожаной куртке. Шутник, балагур, будущий летописец моря. А в ту ночь головой в подушку, ногами в переборку изо всех сил. И каюта, вообразившая себя бочкой, сброшенной с Эвереста, вколачивает в голову ритм:

...Без карты синь океанской волны,
Работ непочатый край.
И тысяча миль лежит до земли,
А земля — это, братцы, рай...

И пусть «Ньютона» зверски не повезло с ремонтом, они возвратятся из Олюторки с честью. На мокром от дождей волноломе их будут встречать ребяташки из четвертой подшефной школы... Что ж им подарить по возвращении? Книжки, шахматы, «конструкторы»? Это горячо обсуждается в кубрике, хотя вокруг ревет океан и до возвращения еще далеко, очень далеко... «Конфет накушить вот такую гору!» — требовал Абашев. Он человек темпераментный. В прошлом году, например, подняли трал с богатым уловом. И надо же — сбоку большая дыра, рыба так и течет. То ли рыба какая-то хватанула, то ли задело за борт. Но поднять трал нельзя: нужно вылить улов. И не успели глазом моргнуть, как Абашев схватил капроновую нить — и бух за борт. Сел на кутец и зашивает дыру. Капитан ему с борта высказал все, что думает о нем и его роде. Но Абашев свое дело доделал. Потом спиртом его растирали: все-таки лед еще в море был.

Много спорили о поступке Абашева: стоит ли из-за рыбы рисковать жизнью? А иногда ведь действительно надо рисковать: на карту ставятся двадцать четыре жизни, двадцать четыре, как одна.

После штормовой ночи, принесшей столько бед, суда еще долго зализывали раны. Ремонтиться было трудно — дул ветер баллов в десять. Траулеры, дрейфовавшие в четверти мили, не видели друг друга. Адамов не сразу заметил, что вода слишком сильно «задавливает» нос «Подольца». Когда же траулер буквально запахал носом, капитан бросился к трюму. Там тяжело плескалась вода — вернее, густой рассол из соли, тузука, сельди. На глаз прикинул: тонн пятнадцать — двадцать плеснуло. Сорванный якорь чуть-чуть сдвинул трюмный люк. Для воды этого было достаточно. В шторм тяжелый, неустойчивый нос — гибель для судна. В дело включились мощные насосы. Вода липкой струей хлестнула за борт. И вдруг насосы замолчали, только яростно всхлипывал воздух. Сельдь и мусор забили в трюме храповики. Над храповиками метра четыре тягучего, пронзительно пахнущего месива. Как быть? Моряк не задумается нырнуть на десяток метров в незнакомой воде, может прыгнуть в море при минусовой температуре.

Но здесь другое — здесь нужно было опуститься в темный, затхлый трюм и нырнуть в ледяное желе, напичканное рыбными телами. Потом разгрести рыбу, разыскать среди слизи и мусора решетки храповиков, очистить их и снова наверх, сквозь центнеры сельди и жгучий рассол. Нырять придется, видно, не раз. Отдышался — и снова в липкую муть, на четыре метра. Попробуй там разберись, где верх, где низ. И вот у всех, кто подходил к люку трюма, как-то сама собой съезживалась кожа на спине, и рот наполнялся кислой слюной: «Нет, не могу...»

Подшел и смуглый, гибкий паренек Узер Зангеев. Снял сапоги с отворотами, снял брезентовую куртку, потом ватник, шапку-ушанку. Осторожно уложила все на тамбучину. Отдал боцману записную книжку, конверт, чью-то фотокарточку.

В лицо ударили едкие брызги. «Эх, была не была!» Узер прыгнул в трюм. И тут же голова его показалась над темной водой. «Ну и гадость, бррр!» И снова нырнул. Его не было так мучительно долго, что каждый про себя уже решил — если с Узером что-нибудь случилось, он первым прыгнет в трюм и разгребет эти проклятые храповики. Его не было так долго, что боцман стал стягивать с себя сапоги. А трюм все молчал...

...Узер вслепую шарил руками. Рыба, рыба, острые плавники врезались в ладони. Только не думать, ни о чем не думать. Вот тут свобода. В сторону рыбу, в сторону! Глубже, еще глубже. Рыбины хлопали по спине. Чего доброго, совсем завалят! Храповики уже рядом. В глазахплыли огненные круги. И тело, дрожа, рвалось наверх — вздохнуть. Вот же они, храповики, надо только разгрести мусор! Но тело уже само судорожно выгребалось наверх. Где же, где же наконец этот верх? Где воздух? Сердце бешено колотилось в груди.

Насосы хлюпнули, и узкая, натужная струя ударила за борт. Очень узкая струя. Из-за этого все упустили момент, когда черная голова Узера появилась над водой. Он дышал ртом, не раскрывая глаз. Когда же он показался на поверхности снова, его уже трудно было узнать. Лицо почернело от холода, весь в рыбьей чешуе.

— Вылезай, Узер, тебя сменят, — сказал капитан.

Тот отрицательно мотнул головой и нырнул снова.

— Узер!

И снова молчание на целую минуту. Кто-то стал стягивать с себя рубу. Его остановили.



«Да вы знаете, что такое штормовая Олюторка?» — говорит Евгений Крикунов, капитан знаменитого «Напора».

Узер нырнул четыре раза — ровно столько, чтобы за борт ударила мощная тугая струя. Потом Узера спасали от тошноты и воспаления легких. Это был смертельный риск, но здесь на карту ставились двадцать четыре жизни, двадцать четыре, как одна.

Был и такой случай. Зимние штормы вконец измотали «Подлец». А тут еще лед до фальшбортов. Лед на антенне, на тросах, на лебедке. Тонны льда. В кровь раздирали руки, сбивая наледь, тонны льда в сутки. И вот в один из таких тяжелых дней к ним донеслась просьба о спасении: на культбазе «Геленджик» кончи-



лось масло, они легли в дрейф. Слава Адамов прикинул: «Масло на «Подольце» есть, в крайнем случае потянут «Геледжик» на буксире». Взяли пеленг и легли на курс.

«Геледжик» увидели только через сутки. Беднягу яростно трепало на волнах. Со всех северных и западных румбов горизонта рушился настоящий ураган. «Вас видим, — ответил «Геледжик». — Попробуйте передать масло». Вот именно: попробуйте! Чтобы перебросить на «Геледжик» конец, потребовалось полдня. Бочку с маслом захлестывали петлей — и за борт. «Геледжик» тянул ее к себе. Оттуда пустую бочку перетягивал «Подолец». Словом, нужен был человек, который будет управлять бочкой — на борт, за борт.

Волны накрывали палубу одна за другой. Стоять, конечно, было невозможно. Тогда вызвался Узер. Он обвязался вокруг пояса канатом и шагнул за дверь. Поистине, это был железный парень. Его катало, било о борт, душило водой. А он таскал себе бочки: полную за борт, пустую на борт. «Геледжик» передал по радию: «Огромное спасибо от всей команды. Ложимся на курс. Ваш парень на борту — герой». Все смеялись тогда: «Слышишь, Узер, ты герой!» А он и сам смеялся, попивая чай, и рассказывал, как большой волной его захлестнуло в пустую бочку, а на «Геледжике» сначала не поняли и потянули конец. Вот был бы номер!

Адамов увлекается, рассказывая о своих ребятах. Ведь не один же Зангеев — храбрец, Адамов черноволос, модно стрижен, лицо интеллигентное, тонкое. Вячеслав из того нового отряда капитанов, которые совсем почти вытеснили «морских волков», полагавшихся в основном на силу мускулов и морское чутье. В каюте молодых капитанов вместе с лодчимами и картами путешествуют томики новых стихов, пачки «Юности» и «Нового мира», магнитофонные ленты с хорошей музыкой. Море любит не только сильных, оно любит умных, воспитанных, широко образованных.

Сейчас Вячеслав расстается с «Подольцем» и переходит на «Барабаш», траулер-морозильщик большого водоизмещения. Морозильщики могут ходить в далекие экспедиции, не боясь за свой нежный груз. Они мореходны, подвижны и, надо сказать, необходимы нашим тихоокеанским рыбакам в гораздо большем количестве, чем планируется.

БЫВАЮТ СЕРЫЕ РАССВЕТЫ, которые страшнее любого шторма. Бледные рассветы, когда, набегавшись от рефрижератора к рефрижератору и везде получив отказ: «Все забито!» — судно ложится в дрейф. Капитан запирается в каюте и долго молчит. Потом берет переговорную трубку и передает на мостик:

— Рыбу за борт, так-распротак все на свете!..

И центнеры рыбы — сотня, вторая, третья — вываливаются за борт. Те самые центнеры, которые были вырваны у штормов, с потом, с кровью, те самые центнеры, которых с таким нетерпением ждуть на берегу. Тонны, десятки, тысячи тонн... Один «Напор» в прошлую экспедицию вывалил за борт три тысячи центнеров сельди и камбалы. Сайра, сельдь, окунь...

— Поймать поймает, а вот попробуйте сдать! — говорят моряки. — Рыбы много — все-таки океан. А вот рефрижераторов, траулеров-морозильщиков, плавбаз очень мало.

От дикого парадокса с непривычки пухнет голова: рыба есть, но ее нет; рыба нужна, но

ее валют в океан. Крабы есть, но их не ловят: лов крабов судам не засчитывается. Ох, эти серые рассветы!..

...«ОСТ» МЫ ЖДАЛИ все-таки не зря. В девять вечера он уже стоял в холмском порту, прижавшись боком к «Юкону». Весь задраенный, оцетинившийся бамбуком сайровой ловушки, оборванный, избитый. И от волны, ходившей по «ковшу», казалось, что он тяжело, загнув дышит. На «Осте» горели ходовые огни, но команды уже не было. Победителей соревнования рыбаков сейнерного флота не встречали. Кто бы мог думать, что в такую погоду, при боковом ветре и толчее, Сипатрин рискнет идти проливом Лаперуза и огибать мыс Крильон.

Сипатрин рискнул, потому что его ребята четыре месяца не были дома, потому что они брали по триста центнеров сайры за ночь и не знали отдыха, потому что капитаном на «Осте» был он, Саша Сипатрин. И хоть с ним трудно-вато бывало на суше, в море с ним было легко.

Эти сутки капитан сам стоял у штурвала. В конце концов океану можно «делать козью морду!» «Осту» дали «добро» на вход в северный «ковш». Пожалуй, не только потому, что Сипатрин лучше других умел провести корабль между краями брекватера: в тот вечер он мог войти и так. А победителей, как известно, не судят. Да и кому-кому, а ему всегда везло, этому рыжеватому отчаянному капитану. Сухопутным людям поступки Сипатрина порой кажутся слишком дерзкими, рискованными, anarchичными. От этого вокруг «Оста» и его двадцатилетнего капитана завихряется водоворот всяких басен и легенд. Там он вытнал с «Оста» какую-то комиссию, там совершил какой-то невероятный выход в море. Слухи о сипатринской удали рождаются на берегу. Моряки его знают по-другому. В море он сосредоточен, до утрюмости молчалив, по-настоящему, по-человечески красив. При ближайшем знакомстве Васильич, как его зовут на «Осте», и вовсе не кажется необыкновенным. Он проще, веселее, приятнее. И когда вспоминаешь легендарную историю «Оста», даже не верится, что это он брал в штормы невиданные уловы, он стоял у сетей, вылавливавших последовательно из океана мину, торпеду, авиабомбу. Стоял, убрав с палубы всю команду, и ждал, когда придут военные и взорвут непрошенных гостей. Да обо всем ведь и рассказывать нельзя...

А в эту сайровую путину «Ост», по мнению Васильича, просто неплохо ловил рыбу — 7 541 центнер при плане 2 800. На «Осте» собралась отважная команда: боцман Николай Иванчег, старпом Владимир Патрушев, штурман Володя Иванов, радист Ефим Маркин. Они любят свое дело, понимают море и умеют учиться на неудачах.

В прошлом году, например, «Ост» впервые вышел на сайру. Везло, как последнему утопленнику, — ни рыбешки. В тихие беззвучные ночи сине горели на воде сайровые огни — цвели над океаном хрупкие букеты диковинных цветов. В туман сайровые лампы и правда напоминали васильки. «Ост» рыскал среди этой пышной иллюминации, щупал воду прожектором, завидовал. Прозрачные цветы над заливами распускались не зря: сейнеры подмывали косяки. И черпали себе сайру на борт.

— Стоп машина! Майна груз!



Что ни говори, приятно увидеть родной порт после десятимесячного плавания. Слава Адамов (справа), как истинный моряк, любит не только море, но и берег. Правда, на этот раз на берегу его поджидала разлука...

Зеленоватая капроновая дель прозрачно плывет в глубину. Опыленная светом сайра сумасшествует у левого борта. И не постигает своими рыбьими мозгами, отчего увядают на левом борту синие цветы и все ярче вспыхивают на правом. Ей хочется скорее туда, где светлей. Толкаясь, клубясь, шумя водой, косяк устремляется к правому борту — прямо в сайровую ловушку.

— Вира гордень! Суши дель!

«Ост» рыскал среди удачливых букетов и высматривал, учился, наблюдал. Пять дней он с рассветом возвращался пустой на Шикотан. На шестую ночь они взяли двести центнеров, больше всех. И с тех пор всегда были первыми.

«Ост» ходит только полным ходом. В пене и брызгах. И хорошо берет рыбу — в три раза лучше других. Сейчас «Ост» отдыхает. Но скоро на мостик одним рывком снова поднимется капитан и, щурясь, усмехаясь, посмотрит за брекватер. Кто сказал, что в такой шторм нельзя выйти в море? Чепуха, в море можно выйти всегда. Полный вперед!

Пока верстался этот номер «Смены», сейнеры и траулеры снова вышли в океан.

Ревут свирепые зимние ветры у Олюторки и Аляски, Охотска и Владивостока. Холодным светом мерцают маяки. И над океаном под невидимыми колючими звездами тихо шелестят капитанские голоса. Капитанский час. Советуются между собой капитаны.

— Я «Напор», пропасть камбалы. Заливаюсь и бегу на сдачу. Становитесь на мое место...

— Я «Подолец»...

— Я «Ньютона»...

А на юге, у берегов Сахалина, перекликаются сейнеры:

— Я «Орджоникидзе»...

— Я «Ост»...





Виктор САКК
Фото автора

ЭККУРСИЯ «СМЕНЫ»

ЧЕТ БОЛЕЛЬЩИКИ

Посмотрев на эти фотографии, вы, наверное, удивитесь: при чем же тут болельщики «Спартак»?

Но не торопитесь с этим вопросом...

Каждый день я езжу на метро. В часы «пик» оно напоминает ненасытного великана, способного без конца заглатывать бесконечный поток пассажиров. И лишь за полночь смолкает гомон, пустеют эскалаторы и все чаще спокойный голос репродуктора возвещает: «Граждане! Поезд дальше не идет! Просьба освободить вагоны».

Глядя вслед удаляющимся красным огонькам, вы не раз, наверное, думали: а куда же девается поездка? И вообще, замерла ли жизнь в метро после того, как захлопнулась дверь за последним пассажиром?

Когда я попытался выяснить все это на диспетчерском пункте Московского метрополитена у старшего диспетчера движения Ивана Кочергина, то удивился не меньше вашего, услышав от него:

— За какую футбольную команду вы болеете?

— За московский «Спартак». Но какое отношение имеет это к вашей работе?

— Самое непосредственное,— ответил он.— Вы один из тех, о ком нам приходится заботиться особо...

Так я узнал, что, оказывается, к матчу «Спартак» — «Динамо» тщательно готовятся не только футболисты и болельщики, но и весь коллектив метрополитена. В дни, когда в Лужниках происходят встречи этих двух самых популярных команд, подземная магистраль испытывает наибольшую нагрузку. За час на небольшом участке проходит до восьмидесяти пар экспрессов, перевозя 110—115 тысяч пассажиров. Чтобы не произошло никакой задержки, еще накануне составляется специальный график и в соответствии с ним расписание движения поездов с точностью до пяти секунд...

А когда над столицей опу-

скается ночь, в окнах домов гаснет свет и болельщики «Спартак», уже успевшие во всех деталях обсудить прошедший матч, засыпают мирным сном, метро продолжает жить своей, неведомой им жизнью. Отводятся на отдых в депо напряженно потрудившиеся днем экспрессы. Оборудованные по последнему слову техники депо находятся наверху, и поезда, прежде чем войти в автоматически открывающиеся перед ними ворота, успевают глотнуть морозного воздуха.

Места, отведенные для стоянки, называются «канавами». Даже жаль. По-моему, это не слишком подходящее название для прекрасно оборудованного и ярко освещенного бетонного лабиринта.

Не успевает головной вагон миновать ворота депо, как фары его гаснут, будто зажмуриваются от удовольствия (автоматически выключается напряжение). Начинают шумно вращаться огромные вертикальные валы-щетни. Шуршат водяные струи — это включается автомойка. Вымытый, сверкающий, состав занимает свое место...

А под землей его сменяют дрезинны и мотовозы с ночной сменой рабочих-путейщиков, электриков, специалистов по подземным сооружениям. Люди тщательно ведут профилактический осмотр путей, контактной линии, готовят подземные магистрали к новому трудовому дню. И когда этот день наконец наступает, в депо по селектору многократно повторяется голос дежурного:

— На двадцатую канаву подается напряжение! На двадцать пятую подается... На десятую...

У входа загорается красная лампочка, и поездная бригада, закончившая осмотр состава, выводит его из депо. Головной вагон первым касается контактной линии, мигает своими фарами восходящему солнцу, и экспресс пускается в свой длинный подземный рейс.



Белорусская-кольцевая... Три часа ночи.

Бездумное украшательство приводит к тому, что ежедневная, вернее, еженощная, уборка станции Комсомольска я-кольцевая становится целой проблемой.

Здесь скрыты силы, движущие эскалаторы, они, как волшебнику, подвластны дежурному механику Владимиру Бочарову.



О НЕ ЗНАЮТ „СПАРТАКА“



В этом году на центральном диспетчерском пункте вступит в действие автодиспетчер.

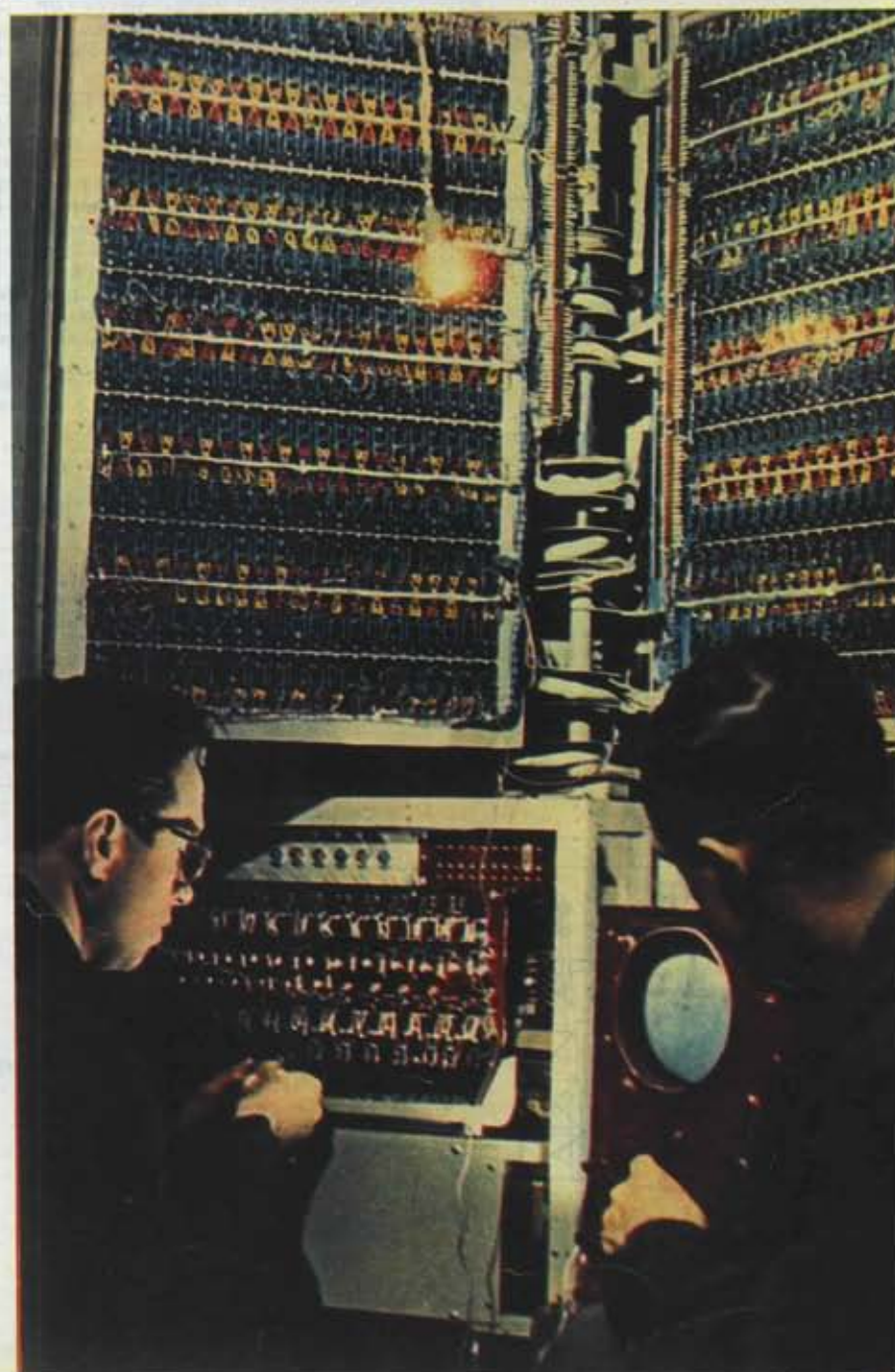
Днем и ночью несут вахту дежурные «цеха здоровья».

←

С каждым днем повышается требование к точности движения поездов. На смену машинисту приходит новейшая электронная техника. Почетное право испытывать первый в мире автомашинист получил Феликс Королев (снимок справа вверху).

Вот он — электронный мозг автомашиниста, способный выполнить 200 сложнейших операций в секунду, сам выбрать наилучший режим работы в зависимости от различных факторов. Любую операцию автомашинист выполняет в тысячу раз быстрее, чем человек.

→



СТРАНИЦА
МАЛЕНЬКИХ
ВСТРЕЧ



НАШИ
ПУБЛИКАЦИИ

И. УТКИН

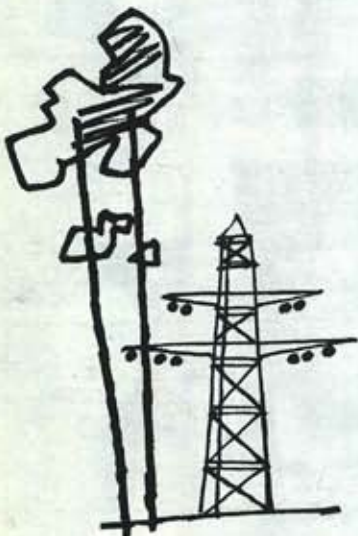
Обращение к природе

Я заверяю реки, горы
И птиц, играющих в лесу:
Нам сосны — в рост,
Долины — в пору,
И море синее — к лицу.

В дыму великой пятилетки
Уже встают во весь свой рост
И влажный лист,
И грач на ветке,
И гамаки среди берез.

И мы всегда,
Всегда готовы —
И старики и молодежь —
И ласточке представить слово
И выслушать весенний дождь.

И если мы с такой угрозой
Упомянули нашу пядь,
То эта пядь кипит березой
Дальневосточного совхоза,
Который смысла нет отдать.
1934.



Расстрел матроса. 1918

Спасенья нет... Надежды брось...
Матрос, прощайся с миром!
Над морем солнце поднялось.
Стучат по трапу конвойры.

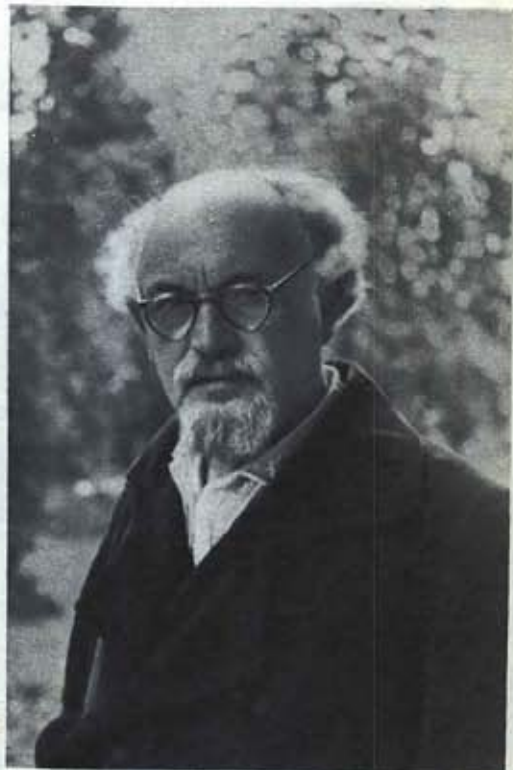
У самой бездны на краю
Тебя лицом поставят к морю,
И ты увидишь смерть свою,
Как прежде жизнь, в его просторе.

Но ты и смерть не раз видал
В его открытых водах,
Когда гремел девятый вал
Семнадцатого года.

О, сколько было юных сил
В твоей груди когда-то!
Ты, как букеты, подносили
Врагам свои гранаты.

И ты в себе еще найдешь
Сегодня сил немало.
«Вставай!» — ты вскрикнешь и умрешь
с Интернационалом.
А молодежь в родном краю,
А весь народ несметный
Споет потом про смерть твою,
Которая бессмертна...

1938.



М. М. Пришвин на даче.
Фото А. Лесс. (Публикуется впервые).

манере), писать, как Пришвин, неизмеримо сложнее. «Думать надо обо всем,— говорил Михаил Михайлович,— а писать хорошо можно только о самом простом, чем вся жизнь наполнена...». Для того чтобы увидеть новое в обычном, надо обладать никогда не притупляющимся чувством удивления. Это удивление свойственно молодости, когда мир открывается человеку во всей своей необъятности и красочности и кажется, словно видишь его впервые. Иногда этот дар — дар вечной молодости — художник получает на всю жизнь. Пришвин им обладал в редкой степени. «А надо идти навстречу самому удивлению», — говорил он. Таков путь художественных открытий.

Г. ГУНН

«РУССКИЙ ФАУСТ»
В ЗАЩИТУ
ПУШКИНА»

В феврале 1833 года Пушкин начал писать «Капитанскую дочку». Одновременно поэт работает над «Историей Пугачева».

Любопытно, что эту весть современники восприняли куда более критично, чем читатели последующих поколений. Некоторые реакционные критики прямо говорили о падении таланта Пушкина. Это падение, по их мнению, заключалось в переходе Пушкина к прозе и к журнально-редакторской деятельности. В защиту поэта и его журнала «Современник» выступил писатель-романтик В. Ф.

ГОСТЬ ИЗ КОСМОСА



— Как, вы не знаете, что такое «сепулька»?!! Поразительное невежество! Загляните в космическую энциклопедию профессора Тарантоги! Вот, смотрите: «Сепулька — важный элемент цивилизации ардритов на планете Энтеропии. См. Сепулькарии».

— Гм... Сейчас посмотрим... Ага, нашли: «Сепулькарии — предметы, служащие для сепуления (см.)». Обидно. Хотя постойте: «Сепуление — деятельность ардритов на планете Энтеропии».

...Знаменитый путешественник Ийон Тихий для выяснения этого жизненного вопроса отправлялся на Энтеропию. Ну, а мы с вами, обыкновенные земные жители, можем пойти в гости к лучшему другу Ийона и профессора Тарантоги — к известному польскому писателю Станиславу Лему.

На пороге номера московской гостиницы — невысокий человек с загорелым лицом, в очках. Приветливо улыбается, просит войти. На столе лежит огромная кипа рукописей, папка с бумагами.

— Вы и здесь работаете?!

Он смеется.

— Нет, просто это работы моих читателей! Теперь я выступаю в роли рецензента. Видите, сколько рассказов, романов, повестей. Есть даже научно-фантастическая поэма. Вот не думал, что можно писать такие поэмы!

Писал ли товарищ Лем стихи?

— Конечно, писал. Ничего не поделаешь, таков закон природы: когда вам исполняется определенное количество лет, у вас появляются зуд в руках, в результате чего на свет появляются любовные стихи (писатель так и говорит: «любковые»). Как я стал писателем? Это довольно

забавная история. Я отдыхал на курорте. Однажды вечером разговорился с соседом по столику о литературе. Вот, мол, говорю, не пишут у нас фантастических романов, а зря. Сосед возьми и скажи: «А вы бы сами написали!». Отступить было некуда, и я пообещал. Написал. Принес в центральное издательство. Вхожу в кабинет главного редактора и вижу... моего соседа по столику. Так появились «Астронавты».

Лем посадил на колени пластмассовую куклу — космонавта — подарок советских читателей, сказал:

— Это очень хорошо, что у вас в стране есть секция писателей-фантастов. Время сейчас такое, что жить без фантазии просто нельзя. Вот смотрите, игрушка. Любимый ребенок знает космонавтов. А мой первый роман часто называли «Аргонавты». Люди путали. В те годы слово «астронавты» ровным счетом ничего не говорило. Даже взрослым. Потом — 1957 год. Первый спутник. Я просто захлебнулся в потоке впечатлений, чувств... Советская наука, если хотите, вывела меня на писательскую орбиту...

Что я сейчас пишу? Пишу много. Жизнь коротка, а сделать нужно много. В семь утра я уже на ногах, пью черной кофе, крепость которого приводит жену в ужас, и сажусь за машинку. Последнее время я работаю для телевидения и сделал несколько научно-фантастических спектаклей. Пишу, конечно, и рассказы. Недавно закончил небольшую повесть «Лунная ночь». Вы уже встречались с ее главным героем, — это пилот Пирис. На обратной стороне Луны, в кратере Менделеева, встречается он с советскими людьми. Конечно, он с ними подружился...

Мне захотелось узнать, кого из советских писателей-фантастов Лем знает и любит.

— О, конечно, Ефремов, Беллев, Стругацкий! Очень давно я читал интересные работы советского палеонтолога И. Ефремова. Потом прочел «Туманность Андромеды». И только позже узнал, что ученый и автор фантастического романа — одно лицо. Это замечательно, когда ученый берет в руки перо. Что касается меня, то я по образованию медик. Изучал философию, психологию, кибернетику. Приходилось быть слесарем, сварщиком. В общем, фантаст должен много знать и испытать...

Рассказ прервал телефон. Лем извинился, взял трубку, потом, закрыв трубку ладонью, тихо сказал: «Ленинград».

— Да, слушаю! Нет, еще не читал. Простите, я очень занят... До воскресенья, думаю, успею... Может, ночью прочту...

Лем положил трубку, подошел к столу. Теперь самое время спросить про эти... как их... сепульки. Набравшись смелости, спрашиваю. Лем весело и очень заразительно смеется. Потом говорит:

— Честное слово, я и сам не знаю! Просто мне очень хотелось, чтобы читатель сам решил, что это такое. Пусть каждый думает, как ему хочется. Или, как у вас говорят, кто во что горазд. И не огорчайтесь, что я не открыл вам эту маленькую «тайну». Ведь и Ийон Тихий не смог бы ответить на такой вопрос.

Л. РЕПИН

Под микроскопом — время

Одоевский, прозванный за свое увеличение средневековым «Русским Фаустом». В статье «О нападении петербургских журналов на русского поэта Пушкина» Одоевский говорил:

«Да, он (Пушкин) не искусен в книжной торговле, это не его дело — его дело: показать хоть потустороннему изданию своего, — даже дурного журнала, — что он не участвовал в той гнусной монополии, в которой для многих заключается литература».

Свистки и аплодисменты

Сценическая судьба гоголевской «Женитьбы» схожа с судьбой чеховской «Чайки». Провалившись в Петербурге, она была принята в Москве, где была сыграна в феврале 1843 года в Малом театре в бенефис М. С. Щепкина.

Привыкшая к переводным водевилям театральная публика не находила в пьесе ни сюжета, ни драматического движения, ни нормальной развязки. Многие считали пьесу неоконченной, так как в ней не было «финальной свадьбы» (1).

«Отвратительной природы никому не придет охоты смотреть на сцене, и если она кажется привлекательно поверженную г. Гоголя, то они могут перечесть «Мертвые души»... Пишите, что хотите, барды г. Гоголя! Возгласы ваши не изменят едкого приговора, произнесенного публикой, не позволившей по окончании пьесы ни одного одобренного хлопка», — пишет недоброжелательный петербургский критик.

Странно читать это теперь, когда мы знаем, что «Женитьба» знаменовала переход к драматургии

ческой системе, развитой Островским, как и чеховская «Чайка» была рождением нового русского театра.

Первая газета, первый редактор, первые литсотрудники

Первая русская печатная газета «Ведомости» начала издаваться 260 лет назад сначала в Москве, а потом в Петербурге. Тираж колебался от нескольких десятков до нескольких тысяч экземпляров.

Газета содержала информацию о событиях внутри страны и заграничных делах. Годовой комплект газеты был своеобразной летописью и назывался: «Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случившихся в Московском Государстве и в иных окрестных странах».

Первым редактором первой русской газеты был Петр Первый. Известны также имена первых литературных сотрудников — Борис Волков и Яков Сняневич.

Вот что писали «Ведомости» в 1703 году:

«Повелением его величества московские школы умножаются и 45 человек слушают философию и уже диалектику окончили».

«В математической штурманской школе больше 300 учатся и добро науку приемлют».

«Из Персии пишут: Индейский царь послал в дар великому Государю нашему слона и иных вещей немало. Из града Шемахи отпущен он в Астрахань сухим путем».

«Из Сибири пишут: В Китайском государстве езуитов вельми не стали любить за их лукавство, а иные из них смертью казнены...»

НАДЕЖДЕ РУМЯНЦЕВОЙ

Нравится ребятам антриса неизменно —
В зале смех и вздохи весело звучат,
И говорят ребята
девчатам откровенно,
Что было б очень скучно
на свете без «Девчат»!



Дружеские шаржи

АЛЕКСЕЮ БАТАЛОВУ

Не только девять дней в году —
Всегда Баталов на виду!



Рисунки И. Шмидта.

ОТДЕЛ ЛИТЕРАТУРНОГО КОНТРОЛЯ

Убоялись...

Стихи П. К-на начинаются так:

Загоревшиеся лица
В бурной стройке мирных дней
Зажигают нам страницы
Из среды простых людей.

Лица зажигают страницы из среды... Как говорится, что написано топором, того не выправишь пером. Можно ли такое печатать? Оказывается, необходимо. Автор категорически требует: «Я иначе не посылаю своих трудов, только после их рецензирования или рассмотрения на литобъединении. Поэтому они

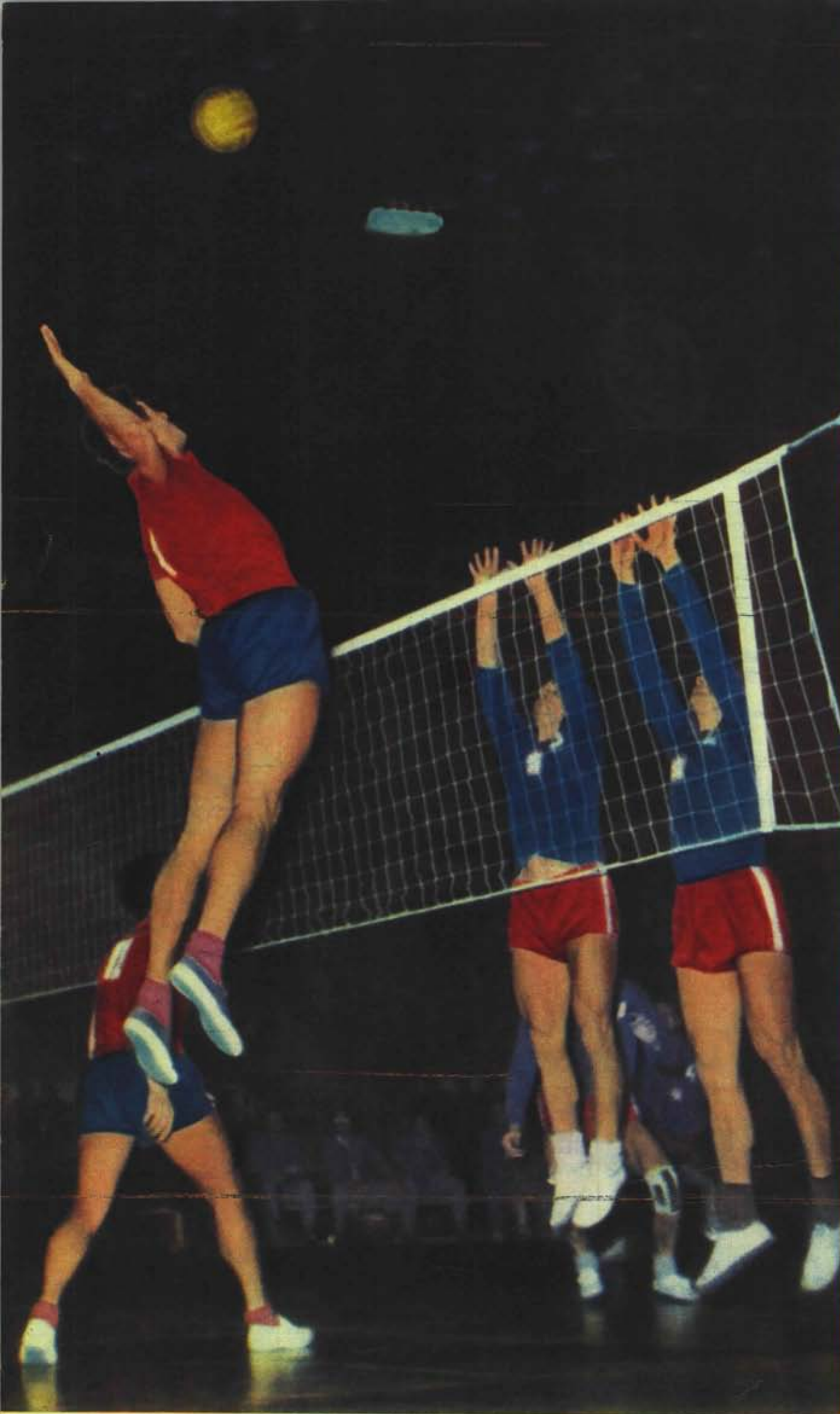
должны увидеть свет. Иначе я буду рассматривать как зажим, за что в данное время несут за служебную ответственность».

Мы убоялись ответственности и решили: пусть труды П. К-на увидят свет, пусть сам он несет за это ответственность.

Кто осознает!

Героиня рассказа И. Л. «Двадцатилетие»: «...схватила книгу и прижала мысли к строчкам. Десятки раз читала предложение, стараясь осознать, противопоставляя всем существом напиралющему образу Бориса. Боролась часы, вечность».

Мы это десять раз читали, «стараясь осознать». Не удалось. Может, кому-нибудь из читателей повезет?



Евгений БИРУН,
судья республиканской категории

Фото А. БУРДУКОВА

Известно, что волейбол «изобрел» американец Вильям Г. Морган. «Отец» этой игры вряд ли ожидал огромной популярности «летающего мяча». Во всяком случае, мистер Морган умер, не дождавшись триумфа своего детища. Отчий дом был неласков к волейболу. Зато впоследствии его приютила Европа. Здесь он окреп, набрался сил, вырос в полном смысле слова в спортивную игру...

Но только теперь, в наши дни, волейбол, образно говоря, начинает мужать по-настоящему. С включением в программу Олимпийских игр кончилась пора его отрочества. И... тут-то волейбол и стал показывать свой норов. На шестьдесят седьмом году существования (то есть в период расцвета, ибо есть виды спорта, насчитывающие не одну сотню лет) у волейбола обнаружился прямо-таки стариновский характер. Игра начала скучнеть. Перед специалистами встали проблемы, выражаясь фигурально, воспитания отбившегося от рук вида спорта...

Спортивные игры имеют одну примечательную особенность. У всех у них прогрессивным началом является нападение. Увлечение всякого рода оборонительными тактическими вариантами в футболе, хоккее и баскетболе расценивается как шаг назад или по крайней мере топтание на месте. В волейболе все наоборот. Как это ни парадоксально на первый взгляд, именно пристрастная любовь к атакам и привела волейбол в тупик, сделала его менее интересным, однообразным, наконец, скучным.

Во время чемпионата мира, который проходил в СССР минувшей осенью, газета «Советский спорт» опросила видных наших и зару-

НА ВО

бежных специалистов. Суть двух вопросов анкеты сводилась к будущим проблемам развития волейбола. И что же? Никто из опрошенных не сказал, что волейбол идет правильным путем, что все обстоит хорошо. То единодушие, с которым специалисты высказались за необходимость каких-то реформ в правилах игры, уже само по себе показательно. Как говорится, дыма без огня не бывает.

Что ж, давайте попытаемся разобраться, в чем состоят главные беды сегодняшнего волейбола.

О разнообразии игры сейчас не может быть и речи. Представляя себе передовую тактику, обычно во главу угла ставят атаку с первых передач. Однако соревнования последних лет убедительно доказывают, что даже лучшие мастера волейбола (это касается прежде всего мужских команд) совершенно не атакуют с первого паса. Хотим мы того или нет, но на пло-

щадках процветает игра в три касания. Казалось бы, это должно повести к увеличению комбинаций. Ведь игра в три касания сама по себе таит неисчерпаемый запас комбинационности. Однако статистика да и просто наблюдения говорят о другом: тактика нападения становится все более примитивной (иногда, стремясь избежать этого неприятного термина, заинтересованные специалисты заменяют его определением «рациональная тактика»).

И, несмотря на это, мощь нападения в волейболе растет. Оборона на задней линии не может соперничать с бомбардирами, а они продолжают оттачивать оружие, делая атаки еще более сокрушительными. К чему сейчас практически сводится борьба в волейболе? К единоборству у сетки. Оно скотерично, как уличная катастрофа. Соперник атакует — сумеет его сблизировать. Не удалось — проиграл. Удалось — выиграл. На защиту (помимо блокирующих) надежд мало. Сила ударов, индивидуальное мастерство бомбардиров настолько возросли, что принимать пушечные мячи (которые, как выражаются волейболисты, летят словно после удара ногой) почти невозможно, тем более без ошибок. Поэтому защитники используются преимущественно на подстраховке.

Но пойдём дальше. Игра в обороне всегда составляла наиболее эмоциональную сторону волейбола. Защита, возвращавшая в игру, казалось, безнадёжные мячи, привлекала зрелищностью и разжигала азарт нападающих своей непробиваемостью. Ныне почти все это предано забвению. Игрок с амплуа нападающего и средних достоинств ценится выше защитника или пасующего такого же класса. Комплексная команда, тренеры отдают предпочтение рослым спортсменам. Руководствуются тренеры при этом вполне понятными мотивами: усиливают одновременно и нападение и оборону. Под обороной имеется в виду блокирование, которому при нынешней игре отводится главная роль в защитных действиях.

Итак, судьба волейбольной встречи решается у сетки, где спор ведут нападающие, выступающие попеременно то в роли бомбардиров, то в качестве блокирующих. У сетки идет упорная борьба. Но упорная не значит захватывающая. Тут все определено динамикой событий. Возьмем, к примеру, забег спринтеров, который длится десять с небольшим секунд. Зритель при этом не успевает перевести дыхание. Розыгрыш комбинации в волейболе еще короче. Больше чем до трех не считаешь. Тот, кому приходилось высиживать пятьдесят забегов на стометровку, может требовать медаль за упорство. Зато в другой раз на «День спринтера» его не затянешь: пресыщение страшнее голода. Это лучше других познал волейбольный зритель. На чемпионате стра-

щими скуку на состязаниях волейболистов. Объективно говоря, никому еще не удалось найти очаг, из которого вылезает скука. Во всяком случае, в прессе не появилось всесторонне аргументированных и обоснованных высказываний по этому поводу. Это и понятно. Чтобы обосновать правомочность нашего разговора, пришлось написать немало фраз. Ответить же исчерпывающе на вопрос, почему волейбол зашел в тупик, еще труднее. Можно лишь привести три точки зрения на причину снижения зрелищности волейбола.

Смысл первой в следующем. Атакующие приемы не раз уже одерживали верх в споре с волейбольной обороной. И каждый раз начинались толки о надвигающейся «смерти» волейбола. Так было пять-шесть лет назад, когда сильная боковая подача буквально подавляла сопротивление пасующих и партии заканчивались молниеносно со счетом 15:3, 15:1, причем команды проигрывали иногда по десятку очков кряду. Специалисты били тревогу. Обсуждались проекты изменения правил. Волейбольный кодекс обвинялся в излишней строгости. Судей призывали снисходительнее и закрыть глаза на ошибки. Люди, менее подверженные пессимизму, предлагали оставить в покое правила и их служителей-арбитров, но взяться как следует за усиление обороны. Как оказалось впоследствии, это предложение было самым мудрым. Прием сильных мячей двумя руками снизу обезредел пушечные подачи. Правда, пока сторонники обороны расквашивались, освоив прием мячей снизу, выискивая наилучший вариант расстановки игроков, чтобы успешнее брать подачу, волейбол пережил настоящую депрессию, вызванную агрессивными атакующими действиями нападающих. Но и это можно исправить. Надо восстановить соотношение сил между нападением и защитой, и игра, естественно, приобретет тогда необходимый ей зрелищный интерес.

Что ж, в этих рассуждениях немало логики. Вторая точка зрения более проста. Она объясняет кризис довольно сложным, а порой бесправным положением тренера. Среди спортсменов ходит такая полушутка: выигрывает команда, проигрывает тренер. В ней известная доля смысла. Фигура тренера всегда под огнем. От него ждут только побед, очков, и чем скорее, тем лучше.

Не у каждого хватит авторитета, а может быть, смелости и веры в свои силы, чтобы сказать: «Дайте мне три года, и команда выйдет в лидеры». Большинство тренеров сразу же и в дальнейшей постоянно приходится вести питомцев на штурм и добывать лавры. Погоня за очками подчинено все. Тут уж не время экспериментировать, разучивать новое, заниматься творческими изысканиями. Некогда. Требуется что-нибудь попроще, зато освоенное.

ность, она стоит того, чтобы к ней прислушаться. В самом деле, правила волейбола, в общем-то молодой игры, довольно консервативны. За последние полвека они претерпели незначительные изменения.

А техника и тактика так далеко шагнули в своем развитии, что рамки правил оказались не просто тесны, они уже тормозят дальнейший прогресс.

На границе, разделяющей две команды, идет самая напряженная борьба. Нападающие спокойно примеряются, как бы получше ударить. А блокирующие мучаются вдоль сетки. Они бессильны что-либо предпринять и поседать соперникам. Только в последний момент они могут попытаться преградить путь мячу ладонями. Условья борьбы явно неравны. Если еще учесть, что блокирующие, касаясь мяча, ни в коем случае не должны переносить руки на сторону соперников, то можно вполне понять сложность, возникающую перед защитниками, арбитрами и... зрителями. Последним все время приходится быть свидетелями того, как борьба регулярно выигрывают бомбардиры (и раздается свисток), как очень часто ладони блокирующих оказываются за сеткой (и снова свисток) и, наконец, как нередко ошибаются сами судьи, фиксируя перенос рук (и опять-таки свисток). В итоге бесконечные остановки игры.

Действительно, сколько долго мы ни высказывали бы причины, приводящих скуку в волейбол, ни одна из них по значимости не может сравниться с вопросом изменения некоторых пунктов правил. Первое, что нужно сделать, дабы уравнять возможности защиты и нападения, — это **ОБЪЯВИТЬ ЗОНУ ИЛИ, ГОВОРЯ ТОЧНЕЕ, ПРОСТРАНСТВО НАД СЕТКОЙ НЕЙТРАЛЬНЫМ. РАЗРЕШИТЬ ИГРОКАМ ОБЕИХ КОМАНД КАСАТЬСЯ МЯЧА НА СТОРОНЕ ПРОТИВНИКА, НЕ ДОТРАГИВАЯСЬ ДО СЕТКИ.** Минимальное воображение позволяет предвидеть, как в таком случае пойдет игра. Пасующие не откажутся послать мяч бомбардирам с самой сетки, ибо там его смогут перехватить соперники. И нападающим, видимо, придется атаковать примерно в метре от сетки, а может быть, и чуть дальше. Это лишит атакующую сторону возможности послать мячи непосредственно на переднюю линию противника. Только после блестящей комбинации, когда удастся вывести игрока на завершающий удар без блока, пасующие могут позволить себе передачу как угодно близко к сетке или даже за нее. Причем это можно осуществить не за счет каких-то преимуществ в росте или прыгучести, а за счет тактического превосходства и высокой техники исполнения. Как видно, нападение будет лишено нынешних привилегий. Атакующим придется отказаться от прямой силовой игры (самые сильные мячи, пробитые с дальних позиций, принимать легче, чем уда-

обороны игра опять обретет гармонично, эмоциональность и, конечно, зрелищность. А ведь об этом все и мечтают!

Подчеркнем, что мы так подробно остановились на приобретенных, которые сулят изменение лишь одного пункта волейбольного кодекса потому, что они обещают резко оживить волейбол. Вряд ли любое другое новшество будет так же настойчиво звать к изменению тактики, повышению квалификации волейболистов и возвращению к волейболу, в котором ценились бы прежде всего мастерство исполнения и глубина мысли, а не только сила и рост.

Постоянно дискутируются и другие предположения об изменениях правил. Тут и увеличение высоты сетки, и введение четвертого касания, и отмена или приближение к сетке трехметровой линии, разрешение участвовать на блоке игрокам задней линии. Все это представляет определенный интерес. Но наибольшее внимания заслуживают два проекта. Первый направлен на увеличение возможностей защитников в организации ответной атаки. **ПРЕДЛАГАЕТСЯ НЕ ЗАСЧИТЫВАТЬ КАСАНИЕ МЯЧА БЛОКИРУЮЩИМИ ЗА ПЕРЕДАЧУ.** Это новшество, безусловно, прогрессивно, и его можно было бы осуществить и в случае признания нейтральной зоны над сеткой.

Другой проект касается изменения формулы встречи. Волейбольные матчи не поддаются строгой регламентации, как это делается в подавляющем большинстве спортивных игр. Матч может продолжаться полтора часа, а может и два с половиной. Мы уже пришли к соглашению, что пресыщение всегда ведет к притуплению интереса и, конечно, затяжные встречи мало способствуют повышению интереса зрителей и самих спортсменов к игре.

Несколько лет назад были попытки проводить волейбольные матчи на время. Кто наберет за полчаса больше очков, тот и победил. Но столь механическое изменение, нарушавшее в значительной степени существо игры отменной партией, не привилось. Эксперимент не удался.

Существует более гибкий вариант, при котором партии сохраняются, но вводится строгий регламент. Как показывает практика, нормальный матч длится около полутора часов, то есть каждая партия продолжается в среднем 20 минут. **МОЖНО УСЛОВИТЬСЯ, ЧТО ПО ИСТЕЧЕНИИ ИХ ПОБЕДА В ПАРТИИ ПРИСУЖДАЕТСЯ КОМАНДЕ, НАБРАВШЕЙ БОЛЬШЕЕ КОЛИЧЕСТВО ОЧКОВ.** Примерно так, кстати, определяется победитель в настольном теннисе. Причем прибегать к этому приходится не так уж часто. Регламент в волейболе станет тем более необходим, если будут приняты любые изменения в правилах, которые в той или иной степени восстановят гармонию нападения и обороны.

Итак, заканчиваем наш разговор о волейболе. Эта популярная игра

ЛЕЙБОЛЬНОМ ПЕРЕЛУТЬЕ

ны по волейболу двери московского Дворца спорта открывались в одиннадцать утра, закрывались в двенадцать ночи. Зрители еле выжидали до конца. Причем утомляло не общее количество игр, а каждая в отдельности. Первый пас, второй, удар — свисток судьи. И все начинается сначала — подача, пас, удар и свисток. Скучно? Не всем. Игроки в азарте не замечают беспрерывных остановок. Они не чувствуют примитивности того, что происходит. Зрителям со стороны заметно. Сильной атакой в волейболе нынче не удивить никого: умеют многие. Тем более наблюдать за одними атакантами в течение двух часов, что и говорить, неинтересно!

Да, не случайно, отвечая на анкету «Советского спорта», все специалисты высказались за необходимость серьезных реформ в волейболе. Они начинают задумываться над причинами, порождаю-

Так появляется на свет элементарная игра в три касания с минимальным использованием комбинаций. При наличии подходящих исполнителей — прежде всего нападающих и средней руки пасующих (хотя бы одного в команде) — можно рассчитывать на определенный успех. И команды начинают максимально упрощать игру. Надо сказать, что поскольку большинство соперников откровенно или завуалированно придерживается таких принципов, то зрителям приходится пока лишь ждать волейбола в лучшем понимании сути и смысла этого вида спорта.

Как видим, и в этих рассуждениях есть здравый смысл. Но давайте посмотрим, о чем ратуют представители третьей точки зрения. Они самые решительные. Они считают, что волейболу необходимы стимуляторы. Необходимо менять правила. Это громкая фраза. Но, несмотря на кажушуюся гром-

ры с близких к сетке передаче) и всеерьезно заняться расширением тактического арсенала, которое без высокой и разнообразной техники невозможно.

Трудно даже представить себе, какое облегчение почувствуют волейбольные арбитры, коль скоро им не придется следить за переносом рук на сторону соперников. Наиболее сложный вопрос в судействе — игра над сеткой — исчезнет без следа. Судьбу единоборства в пограничной зоне будет решать не точность постановки рук блокирующими и замаха бомбардира, а ловкость, быстрота и умение предугадать действия противника. Но главное, что таит в себе введение нейтральной зоны над сеткой, — это огромный выигрыш зрителей от принятия новых правил. В волейболе исчезнут скоротечные розыгрыши мяча. Он вновь будет подолгу держаться в воздухе. С увеличением возможностей

переживает кризис. Реформы в волейболе необходимы. Мы разобрали три точки зрения различных специалистов на те новшества, которые, по их мнению, необходимо ввести в волейбол. Можно спорить о целесообразности тех или иных изменений, но сомневаться в необходимости самих изменений не приходится. Повторим: нет ни одной спортивной игры, которая не подвергалась бы модернизации. Волейбол отделился пока преимущественно несущественными поправками второстепенных параграфов, связанных с заменами и перерывами. Мы понимаем, что никаких перемен в волейбольном кодексе не может быть до предстоящего турнира сильнейших в Японии. Сейчас самое время для экспериментов, дискуссий, опробования новшеств и для выводов. Изменения должны быть внесены сразу после Олимпийских игр в Токио...

С СУББОТЫ НА ВОСКРЕСЕНЬЕ

Артур МАКАРОВ

РАССКАЗ

До конца смены оставалось четыре часа. Алексей подумал, что за это время все равно не наскрести даже половину плана, и сбросил скорость, въезжая в Люберцы: «Понесло же за город на этой колымаге! Начальник колонны тоже хорош: «На неделе заменим...» Вот и едешь уже второй месяц, а старухе давно на переплаву пора!»

От Люберец можно было ждать пассажиров, и он вел машину не быстро, поглядывая на тротуар. Мешали грузовики.

Не надо ему было везти этих мешочников. Пять километров проселка от Малаховки до совхоза стоили двух часов возни с машиной, а выручка оказалась в общем ерундовой, и эти скопидомы не подумали добавить даже гривенника.

Заметив у края тротуара одинокую фигуру, он вильнул вправо, но, подъехав, увидел красное, бессмысленное лицо пьяного и не стал останавливаться.

Пассажиров удалось взять только у троллейбусного круга: средних лет мужчина в кожаной куртке и молодая женщина в габардиновом плаще до пят. Тяжело плюхнувшись на заднее сиденье рядом с женщиной, здоровяк в кожанке бросил:

— В центр...

«Кажется, приезжие...» Но, огорченный неудачным рейсом, он еще колебался. Потом, глянув в зеркальце на лицо прильнувшей к стеклу женщины, уже не сомневался. «Точно, приезжие!» И, сбиваясь с кратчайшего маршрута, решительно свернул на набережную. «До Красной и направо... Может, с набережной на Фрунзе и к Арбатской? Ну, посмотрим...» А вслух спросил:

— Вам куда в центре?

— Ресторан нам нужен... Получше.

— Понятно. Только сегодня суббота, очереди везде.

— А мы поедем, посмотрим, где свободней...

Это уже было кое-что, и по набережной машина шла с ветерком. Проскочив поворот на Красную площадь, Алексей уменьшил скорость на подъезде к Каменному мосту и услышал, как женщина тихо спросила:

— Митя, а это Кремль был?

— Кремль. Ты и не узнала?

— Нет, узнала... Нам далеко еще?

— Да не очень... Вот проедем немного по этой... Ну, в общем, через площадь — и в центре...

«Ах ты, миляга!» Машина снова рванулась вперед и только у Крымского моста наконец свернула направо. «Куда их? У «Арагии» очередь навяряка, — сначала туда... Потом к «Будапешту», там тоже всегда полно...»

Пропетляв около получаса у ресторанов центра, они подъехали к «Украине» и снова увидели очередь у подъезда. Здесь мужчина сдался.

— Тут выйдем. Постоим немного, стоят же люди... Сколько там?

Алексей, обернувшись, включил свет и поймал взгляд женщины, брошенный на счетчик. «А как же! Это Москва, милая...» Уже отъезжая, взглянул на деньги в руке и сбросил в правый, «свой», карман куртки пятнадцать копеек.

У подъезда гостиницы очередь такси двигалась быстро. Ему достался толстяк с седым ежиком коротко стриженных волос. Сел сзади.

— На Форофского, пошалюста...

Конец был невелик, и к тому же, покосившись на пассажира, он чутьем понял, что петлять не стоит. «Знает дорогу, гладкий черт...» От толстяка пахло хорошим одеколоном и какой-то мятой. «Интересно, откуда он? Немец, наверно...»

— Стоп! — сказал пассажир. И, когда машина остановилась, добавил: — Стоять... Надо мало ждать.

Ждать почти не пришлось. Стуча каблучками, подбежали две худые девчонки с прическами-папахами, и та, что подбежала первой, прошептала вылезавшему навстречу толстяку:

— Салют, амиго! Долго ждали? Знакомьтесь, Валя, моя подруга... Валя, это Эрик.

— Очень приятно!



Рисунок А. ПАУКОВА

— Я тоше э-э... отшень рад. Отшень...

Алексею показалось, что Эрик несколько огорошен появлением Вали. А может, зря показалось... Валя села рядом с ним, а ее подруга и толстяк сзади.

— Фу, бензином как воняет! Надо было другую машину взять... Пахнет плохо, говорю. Плехо... — Соседка Эрика решила, что тому будет понятней, если она заговорит с акцентом.

— О, бензин, я? Такси не новый...

— Просто гроб на колесах! — подхватила Валя. — В столице — и такие такси...

Алексей взглянул в ее холодное, злое лицо с мертвыми, обведенными тушью глазами и, сдержав неожиданную злость, спросил:

— Куда ехать?

— В Нац. Ну, на Манежную, в «Националь»...

Девушка на заднем сиденье всю дорогу трещала как заведенная. Ему эта компания здорово не нравилась, и у подъезда гостиницы он так тормознул, что Валя чуть не ударилась о лобовое стекло, а задние пассажиры уперлись руками в спинку переднего сиденья.

— Пожалуйста... — хрипло сказал Алексей.

Вылезая, Валя невнятно прошипела: «Идиот!» Эрик, выйдя из машины, протянул ему показанный счетчиком рубль, а потом, широко

ослабившись, выпустил из руки в ладонь Алексея пять копеек. Он уже повернулся спиной, когда Алексей сдавленно бросил:

— Эй, господин хороший, ошиблись вы... Тут только рубль выбило... Получите монету...

— Смотри ты, — пискнула соседка Эрика. — Идеальный!

Валя тоже вернулась к машине, и с минуту она и Эрик смотрели на него с совершенно одинаковым выражением лиц. Потом толстяк растянул губы в улыбку и, взяв монету, захлопнул дверцу. Плащики свои девицы скинули еще здесь, у машины, и когда, перебросив их через руку, они шли к подъезду, в торчащих юбках напоминали перевернутые бокалы для шампанского. Но Алексей эткетствовал их иначе и, отдавая душу, повел машину по улице.

Дважды подряд ему не повезло: сначала он поздно заметил голосящего, и, пока остановился, его подобрало шедшее следом такси, а потом другая машина обогнала его и перехватила двух женщин. Правда, у станции метро он посадил-таки клиента, но, как всегда, казалось, что потерянные пассажиры сулили дальний конец.

К нему сел средних лет человек в очках, с большим, туго набитым портфелем. Кроме указания: «На Киевский вокзал, пожалуйста», — Алексей не услышал от него за дорогу ни слова, хотя обычно один на один с водителем пассажиры не могут молчать. Но в конце пути обладатель портфеля заговорил...

Когда машина остановилась у пригородных касс, счетчик требовал шестьдесят копеек. Рассчитываясь, пассажир протянул рублевую бумажку, сказав:

— Тридцать копеек, пожалуйста...

Алексей протянул ему три гривенника и, сунув деньги в карманы, выключил счетчик. Человек с портфелем, не вылезая, пристально смотрел ему в лицо.

— Что? — не понял Алексей. — Вы же сказали, тридцать...

— Я сказал именно так. А вы не считаете, что надо поблагодарить?

Чувствуя, как от прилива крови набрякло лицо, Алексей глухо выдал:

— Ну, спасибо...

— Ну, пожалуйста.

Хлопнула дверца, затерялся в толпе пассажир, а он все не мог оправиться от унижительного стыда и так рявкнул: «Занято!» — разлетевшемуся к машине юнцу, что тот обалдело отпрыгнул в сторону.

...В конце смены, подъезжая к парку, он вдруг решил на ход, который уже давно подготавливал, любезно балагура с диспетчером Ниной Васильевной. Разбитная бабенка, эта Нина Васильевна работала в контакте только с небольшой группой шоферов. Сегодня Алексей решил попробовать присоединиться к ним. Оставив машину у ворот, он вложил в путевку рублевую бумажку и, улучив момент, подошел к окошечку диспетчерской.

— Все в порядке? — все еще глядя в лежавшую перед ней книгу, Нина Васильевна протянула руку за путевкой.

— Как всегда, кругом шестнадцать... Как бы мне часок прихватить, Нина Васильевна?

Прикрыв ее руку своей, он, широко улыбаясь, подвинул путевку с вылезшим из нее уголком рублевки и, внутренне напрягшись, заклинал: «Ну, клюнь же, черт тебя... Клюнь!»

Испытующе глядя на него, грубо накрашенная женщина медленно высвободила руку, взяла путевку и, положив ее на стол перед собой, задумчиво спросила:

— Значит, без всякого, Леша?

— Я, Нина Васильевна, уже полтора года без всякого...

— Знаю. Что же... Поработай.

Словно и не было разговора, она вновь уткнулась в книгу.

«Крепкая стерва!» — с уважением подумал Алексей, уже отъезжая от ворот парка.

Для этого уважения были основания... Отметив его прибытие в срок и давая ему время для работы «на себя», диспетчер рисковал многим. Машина уже значилась в гараже, и, случись у водителя наезд или даже любое пустячное происшествие, этот призрачный таксист навлекал и на нее карающую десницу закона. Вот поэтому-то и шла Нина Васильевна на подобные сделки лишь с безупречными, опытными водителями.

Договорившись «на часок», Алексей смело мог поработать часа два и, отъехав от парка, прикидывал, куда ему лучше податься. Начинался разезд от ресторанов... На подходе были дальние ночные поезда... Да и на улице в поздний субботний вечер трудно было застояться... Задумавшись, Алексей чуть было не проскочил пассажира.

— К Моссовету, — попросил плотный парень в светлом плаще, ставя в ноги чемоданчик. Почувствовав запах спиртного, Алексей на всякий случай спросил:

— Как поедем?

— Как положено... Покороче. Мне, собственно, к «Арагви».

«Не прошло и не надо... Только чего он к «Арагви» едет? Закрыт уже ресторан, поди...» Но вслух ничего не сказал. За время пути Алексею не раз казалось, что пассажир хочет заговорить с ним: краем глаза он видел, что тот нет-нет да посмотрит на него... Но ни слова не было произнесено. Так в молчании они и доехали до памятника Долгорукому.

Остановившись, немного не доезжая «Арагви», Алексей потянулся было зажечь свет, но пассажир остановил его:

— Подожди-ка...

— Жду, — ответил Алексей и подумал: «Ишь ты, как с ровесником, на «ты»...»

Парень еще раз изучающе взглянул на него, потом спросил, улыбаясь:

— Слушай, шеф, за город не съездим?

— Куда за город? Концы разные бывают...

— В Малаховку.

— Обратно мне, значит, пустым придется ехать?

— Заплатим и за обратно.

«Видно, приспичило. Конец уж больно хорош, глядишь, и домой после можно. А не опасно? Да нет, вроде телок он еще...»

— Раз так, можно поехать.

— Тогда вот что: сейчас подождем кое-кого, потом заедем в одно место и... Ага, подожди-ка минуточку...

К машине подходил высокий молодой человек в очень коротком легком пальто. Сосед Алексея хотел было выйти к нему навстречу, но не успел: тот открыл заднюю дверцу и, сев, бросил вместо приветствия:

— Можно ехать...

— Ты звонил? — повернулся к нему сосед Алексея. — Ну, и как?

— В порядке, Толя. Ждут на том же месте.

— Нам сейчас к Белорусскому, шеф, — сказал Толя, и, когда уже машина тронулась, вспомнил: — Погоди, Марлен, а горячее? Вот черти, раньше надо было.

— Там и возьмем... На стоянке у Белорусского, больше негде, — уверенно ответил его приятель, и Алексей, глянув в зеркальце, хорошо разглядел его узкое, совсем юное и очень бледное лицо.

Обычно пассажиры очень скоро забывают о присутствии водителя и ведут при нем разговоры, которые вряд ли решились бы вести при постороннем человеке в любом другом месте. За время работы в такси чего только не пришлось послушаться Алексею!

Двое приятелей не составили исключения и детально обсуждали предстоящую поездку.

— Там у тебя не холодно? — побеспокоился Толя. — Если никто не живет, так и не топлено...

— Ерунда! — Марлен щелкнул зажигалкой, прикуривая. — Холодов еще не было, рамы двойные... Кстати, в двух комнатах и протопить недолго, нам ведь больше, чем две, не понадобится... Как ты считаешь?

Последние слова он произнес с явной игривостью, и его собеседник хихикнул.

— Розка не подведет?

— Розка — девка железная, — заверил Марлен. — Она ей скажет, как условились: едем большой компанией, мои старики там, дом вполне уважаемый. Сейчас ты ей скажи, что все уже уехали, а мы решили прихватить еще горячего.

— А там как же?

— А там придумаем что-нибудь... Не пешком же ей домой бежать! Ну, скажем, что остальные, видно, где-то задержались, их ждать нечего, можно и поужинать.

— Она про родителей спросит...

— Родители уже спят в такое время, — резонно заметил Марлен, и его приятель снова хихикнул. Но Алексею показалось, что на этот раз смехок у него довольно нервный. Они уже подъезжали к площади Белорусского вокзала.

Толя попросил остановить машину у входа старой станции метро, и оба они сразу же вышли. Чемоданчик остался в машине, и Алексей мог быть спокоен, что пассажиры не исчезнут. Прошло не меньше пяти минут, счетчик исправно отсчитывал за простой, и, задремав, Алексей был разбужен звуком открывшейся дверцы и голосом Марлена:

— Садитесь, девочки, мы минут на пять вас оставим, а потом можно ехать.

Они направились к центру площади, а Алексей, когда на заднем сиденье возобновился разговор, стал рассматривать пассажиров.

«Черт, ну и дела, — мелькнула мысль у Алексея, — опять такие девицы попались... Как нарочно».

Сначала ему показалось, что второй раз за вечер придется ехать с одним и тем же человеком — явление в практике водителя такси довольно редкое... Одна из девушек была поразительно похожа на ту Валю, что вышла вместе с подружкой и иностранцем у «Националя». Те же глаза, та же прическа, даже голоса были похожи... Этим неприятным Алексею голосом она и убеждала вторую девушку:

— Да я тебе который раз говорю — день рождения. Повеселимся, потанцуем, а утром они нас домой отвезут. Не понравится, так спать ляжешь, у них там комнат пять... А завтра все равно воскресенье.

— Ох, Роза, я уж и не рада, что согласилась... Чего я туда еду? Этого Марлена я и не знаю, Толю второй раз вижу... И мама так волновалась! Только из-за тебя еду...

Алексей скептически поглядел в зеркальце, но на миловидном, слегка скуластом лице Розиною подружки и впрямь читалась растерянность. «Несет же тебя, дуреха курносая, черт знает куда...» А Роза наседали:

— Ну и умница, что из-за меня... Конечно, что я там одна буду, как дура? Ты, Танька...

— Погоди, как же «одна»? — встревожилась Таня. — Ты же говорила, что там компания?

— Ну, компания, да я-то их мало знаю, — вывернулась Роза.

К машине уже подходили оба приятеля, и по улыбке Толи было ясно, что отлучались они не зря.

Машина тронулась. Рядом с Алексеем сидел Марлен, а Толя сел между девушками. Роза сразу же легла подбородком на спинку переднего сиденья. Марлен сел вполборота к ней и громко стал рассказывать «блестящую историю»: позавчера он с приятелем зашел послушать музыку к одному типу, выпили, конечно, и, когда хозяин приподнялся, потянувшись к радиолу, приятель Марлена подложил под него несколько пластинок.

— Здорово! — восхитилась Роза. — Вопил?

Второй пары слышно не было. Раза два Толя что-то сказал, но Алексей не расслышал слов. Настроение у него испортилось. Было даже непонятно, отчего. Шоссе будет свободно, в карман после этого рейса он положит не меньше семи рублей... На сюсюканье Розы и

Марлена ему тоже было наплевать, он и не такое видал. Но настроение было скверное.

«Как этот тип сказал? Ага: «...не считаете, что надо поблагодарить?» Вот законник выискался! Ну, забыл спасибо сказать, так чего же в глаза тыкать! Что я ему, холуй за денежки... Куда ты лезешь, черт дурной, из второго ряда?! Фу-у, так и тробануться недолго...»

— Чуть-чуть вывернулись,— сказал Марлен,— под этим «МАЗом» от нас немного бы осталось...»

Он сказал это с нарочитой небрежностью, но голос у него был тонкий. Алексей не ответил.

«...А чего ты гоношишься, милоч? Холуй и есть... Тебе сунут гривенник, ты и доволен. А не сунут, значит, клиент — жаба. Так!.. Еще и ловчишь. Возил сегодня колхозных работяг в Одессу через Владивосток? Возил... Не обманешь — не проживешь. Это тоже верно... План есть план. А другие как же? Нет, браток, не все... Колька-сосед отработал свое — и кум министру, от него никто спасибо не попросит... Что же, живет он не хуже тебя, не одалживается. И шантрапа всякая ему не указывает, что куда... Ну и имей свои семь рублей, имей, а сколько нервов?.. Мне это он свистит? Кажется, все было нормально... Нет, вроде не мне...»

— Это не нам.— Марлен высунул голову в окошко, потом втянул обратно и поднял стекло.— Какого-то приятеля твоего сцапали, шеф! «Слово-то idiotское — «шеф»!..»

— А вы садитесь глубже, будет удобнее,— сказал сзади Толя.

— Спасибо, мне удобно...»

«Ну куда, дура, едет? Знала бы мать — выдрала. А может, и нет. Девка она вроде приятная, не Роза эта... Соседки, наверно. Здесь куда? Направо. Можно и дальше. Ладно, свернем здесь...»

— Можно было дальше свернуть. Впрочем, и тут то же самое.— Марлен щелкнул зажигалкой, поднося ее Розе. Потом прикурнул сам.— Закуришь, шеф?

— Не курю.

«...А курить охота. Ладно, на обратном пути... Вот сядет через полгодика такой же куклой, как Роза... Или как та... Валя. «Шеф, давай в Нац! Нац! А что? Очень свободно. Долго ли... Ведь, наверно, учился, морали разные слушает... Сам же везешь. Дело маленькое, мог и не знать, что к чему. Ну, знаю, так что? Ну, вот. И семь рублей, да? Тыфу, так тебя...»

Не заметив, как переглянулись при этом Марлен и Роза, он нашарил под щитком пачку и закурил. Шоссе было совсем свободно. Навстречу проскочили всего две машины и мотоцикл орудовца.

«...Этот Эрик, наверно, немец. «На Форофского...» и потом это «вас!». Ну, точно, немец... Где он их подцепил? Или они его. Чего Роза так разоралась? Не глухие же едут. Что ж, скоро и эта Таня для компании Эрику согдится. Вот ведь гады, как придумали: и день рождения и родители! Ловкачи ребята... Видно, не впервой... Что это он там?»

— Уберите, пожалуйста, руку! — громко сказала Таня.

Толя глухо забормотал, а Роза, неестественно смеясь, крикнула, словно Марлен был далеко:

— Я тебе про Лильку расскажу! Вот умора! — И понесла чушь.

«...Вот так. А там вообще никого не будет. Компания задержалась, родители спят... Вези, Алеша, деньги хорошие! Ну, а...»

— Нет, я же вас прошу... Роза! Пересядь ко мне...— В ее голосе Алексею послышались слезы.

— Ой, да ну что вы какие неусидчивые! — хихикнула Роза.— Нам бы рядом посидеть, верно, Марик? Сиди, Танька, сейчас уже скоро приедем... Ну вот, а Лилька ему и говорит...»

— Роза, я тебя очень прошу: сядь ко мне!

— Да тише ты, а то товарищ водитель подумает еще, что...»

«...Вот ты уже и «товарищ водитель». Давай, жми на железку...»

— Послушайте, Толя, ну как вам...»

— Эй, парень... Оставь ее, слышишь? — После долгого молчания голос у него был хриплый, и, опасаясь, что Толя не услышал, он явно перестарался: — Оставь ее, говорю!

Стало очень тихо. Возможно, все еще и произошло бы иначе, но Марлен сделал неверный ход... Деланно смеясь, он сказал как можно солиднее:

— Что ты, шеф, в самом деле? Обо всем с тобой договорились, ну, и жми себе на здоровье, в обиду не будешь. Они люди свои, договаряются...

Крепко сцепив челюсти, Алексей выключил мотор и, тормозя, повернул к обочине. Потом, повернувшись к Марлену с побелевшим лицом, процедил:

— Договорились, говоришь? Деньги на бочку — и творю, что хочу? Так? Нет, милоч, у меня пока еще такси, а не... твоя дача.

— Да что вы, товарищ... — начал было за его спиной Толя, озадаченный молчанием приятеля, но осекся, не придумав, что сказать дальше.

Алексей услышал быстрый злобный шепот Розы, а потом голос Тани неуверенно произнес:

— Вы не подумайте ничего, товарищ шофер... Мы же... знакомые. «...Ах ты, язви тебя!» Алексей включил свет и, облокотившись на спинку сиденья, глянул сначала в озадаченное лицо Толи и уже потом в ее лицо.

— Значит, знакомые? — медленно переспросил он и, сорвавшись, почти закричал: — Хорошие знакомые — второй раз видишь, да? А куда едешь, знаешь? На день рождения! Черта лысого не хочешь? Нет там никого, понимаешь? Ни папы, ни мамы, ни компании, никого! И Розу свою ты там не дозовешься!

Она глядела на него с таким отсутствующим выражением лица, что он осекся. «И чего это я?» Махнул рукой и сел на место, машинально потянувшись за папиросой.

— Чего вы лезете? — взвизгнула Роза.— Вам какое дело? Не слушай его, Танька, тоже идейный выискался!

Алексея так и подкинуло, когда он вторично услышал это «идейный». Но он не успел раскрыть рта, как Марлен было начал: «Вы, гражданин, не вмеши...» — и тут же Таня очень спокойно спросила:

— Роза, это правда?

Обернувшись, он смотрел на Розу. Она молчала. Потом, взглянув на Марлена, хотела что-то сказать и все же не сказала ничего.

— Значит, правда, Роза?

— Ну, возможно, правда, ну, пошутили, только зачем же волноваться? — Лицо Марлена позеленело от злости, но надо было как-то выходить из положения, и он даже улыбнулся Алексею, продолжая: — Гражданин водитель перенервничался за день, вот ему и мерещатся уголовные истории... Не портите мне день рождения, Танюша...»

Алексей вдруг почувствовал, как под его руку, лежавшую на сиденье, подсунились длинные пальцы и выскользнули обратно, оставив под ладонью теплый комочек бумажки.

— Поехали, шеф, время позднее.— Марлен выключил свет и повернулся спиной к сидящим на заднем сиденье.

«...Вот так, братишка, скажи ему спасибо и дуй дальше... А может, в морду, а? Посадить могут потом... Из такси-то вышибут, это факт...»

Он еще ничего не решил, когда сзади щелкнул замок дверцы.

— Я здесь выйду... Отпустите меня, Толя. Я здесь хочу выйти, товарищ шофер!

Не выпуская бумажку из руки, Алексей приоткрыл дверцу, привычно оглянулся назад и, увидев темную пустоту шоссе, вышел из машины. Распахнув заднюю дверцу, он нагнулся и почти весело предложил:

— Эй, приятель, отпусти-ка ее!

Когда девушка вылезла и оказалась почти одного роста с ним, Алексей внутренне усмехнулся: «Экая вымахала, а дура...» Потом вспомнил: «Вроде бы полкилометра назад автобусную остановку проезжали...»

— Там остановка.— Взяв Таню за рукав легкого пальто, он повернул ее в ту сторону, откуда они ехали.— Только не знаю, автобусы-то уже вряд ли ходят...»

— Я дождусь,— сказала она, уже отходя, и, обернувшись, добавила: — Спасибо вам большое...»

— На здоровье...»

Прежде чем сесть в машину, он разжал кулак и поднес бумажку к глазам. «Вроде пятерка... Семь да пять — двенадцать. Ничего рейс получился...»

В машине бубнили голоса, но, когда он сел, стало тихо. Включив мотор, он медленно тронул с места, и тогда Марлен прошипел:

— Ну, доволен, шеф? — и добавил такое, что Алексею не приходилось слышать даже среди видавшей виды шоферской братии.

— Что, может, обратно в Москву, а? Дело-то вроде не выгорело...»

— Да нет, давай до места. С тобой, кажется, мы уже рассчитались... — Марлен закуривал, и руки у него тряслись.

«До утра она там замерзнет... На счетчике четыре двадцать две. И бензинчику туда-сюда... А, поди-ка ты, братишка, со своей бухгалтерией!»

— Вылезайте.— Сказано это было очень просто, а потом сматая бумажка ткнулась Марлену в грудь и упала на колени.— Спасибо!

— Ты... ты чего? — Тот обалдело глядел то на него, то на деньги.— Ты же обязан...»

— Мы номер запишем! — наконец подал голос Толя.

— Запишем, запишем! — Похоже, что Роза была готова вцепиться ему в волосы.

— Не повезу я вас,— улыбаясь, сказал Алексей.— Все. А хотите ехать,— так до первого поста. Найду, что сказать.

— Слушайте, товарищ... — Марлен растерянно улыбался.

— Я тебе не товарищ! — Алексей так нажал на стартер, что мотор обиженно взревел.— Вылезаете? Или к постовому?

Пока машина разворачивалась, ему показалось, что кто-то стукнул ногой по крылу. «А, ладно! Еще набегаются...»

Она еще не успела дойти до остановки. Он издал нацупал ее силуэт лучами фар, и, когда фигура стала совсем четкой, Таня обернулась и подняла руку. Потом опустила и отошла в сторону. «Денег, видать, маловато...» Он затормозил и открыл дверцу.

— Садитесь.

— Вы? Уже отвезли?

— Отвез. Садитесь.

— Да я... лучше автобуса дождусь.

— Да садись же, говорят тебе... Ну!

Когда она села, он конфузливо вздохнул и, достав из-под подушки, на которой сидел, побывавшую в передрягах кепку, накинул ее на зеленый глазок. Машина тронулась.

В гараже, поставив машину, он еще выкурил папиросу, прежде чем подойти к окну диспетчера. Нина Васильевна, увидев его, покосилась на золотую скобку часов и ласково заметила:

— Поздновато немного, Алеша. Ну, для первого раза... В следующий — не перехватывай. Счастливо.

— До свидания.

Он уже дошел до ворот парка, потом почти бегом вернулся и сначала в пробор, а потом прямо в лицо диспетчерше отдельно сказал: — Только следующего раза не будет... Счастливо.

Она что-то крикнула ему вдогонку, кажется, звала вернуться... Он не оглянулся.

Когда, лежа в постели, Алексей раздавил в толстом слое пепла последнюю папиросу, брезжил серый рассвет. К этому времени он провел свою машину еще раз от Люберец до ворот парка, и дальше, и снова в парк. Особенно долго он вел ее от того места на шоссе, где остались те трое, до нового блочного дома в Мневниках. «Проектируемый проезд, дом двадцать семь, квартира пятьдесят семь. Пятый этаж... Записать? Не забуду...»

Заснул он, улыбаясь.

оскоробленная

Александр ИВАНЧЕНКО, специальный корреспондент «Смены»

На темном небе горят крупные голубые звезды. Южные звезды... Больше месяца смотрю на них и все вроде только увидел. Сколько романтиков сводили они с ума! Шумит под форштевнем волна, светлячками носятся над ночным океаном морские ласточки. На крыле капитанского мостика приглушенные голоса штурманов:

- Здесь где-то по курсу камни, ты отвернул?
- Да, на два градуса правее.
- Порт скоро?
- В шесть.
- Скажи ты, прохладно, бр-р-р! Что по вахте?
- Нормально, следить за глубинами. Приняли «SOS», возле Тристан-да-Куны австралиец тонет.
- Запрашивал?
- Его уже спасают.
- Ладно, иди отдыхай.
- Постой, звезды красные... Слышь, Генка, а хорошо под такими звездами, а? Эх, мать честная, как полонез Огинского...

Штурманы замолкли, и снова только шумит волна. У меня тоже звездная бессонница. Утром Уолфиш-Бей, главный порт Юго-Западной Африки. Вчера весь день гадали, как нам там встретят. Юго-Западная Африка — территория, оккупированная фашистской Южно-Африканской Республикой. В эту страну запрещен въезд всем прогрессивным общественным деятелям, писателям, журналистам, даже «нелояльным» морякам. Мы советские, и значит, «самые нелояльные, красные комиссары». В Уолфиш-Бее работает морская английская фирма, это она нас пригласила, хочет установить с нами деловые связи. Британскому льву фашисты возражать не стали. Лев — зверь серьезный. Мне повезло: из советских журналистов Юго-Западную Африку я увижу первым.

«ХОТЯТ ЛИ РУССКИЕ ВОЙНЫ?..»

Раннее утро, но встречающих довольно много. На пирсе толпа белых, человек семьдесят. Крыши портовых пакгаузов облепили негры, их вдвое больше. Белые с транспарантом — на узком черном полотнище белая свастика и кисть руки, простертой в нацистском приветствии. Пока корабль швартуется — взрывчатая тишина. Но вот спущен трап. На борт поднимаются власти. В это время толпу на пирсе словно прошибло током:

- Хайль Гитлер!
- И вдруг:

Хотят ли русские войны,
Спросите вы у тишины...

Это запели на крышах пакгаузов, запели без слов, один мотив, не совсем верно, вразнобой, но так, что защемило сердце. Швырнув транспарант на литой бетон причала, толпа белых ринулась к пакгаузам. На крыши полетели камни.

- Эй, кафры, заткнитесь!
- На крышах продолжали петь.
- Не прошло и минуты, как в порту взвыли сирены. На мотоциклах примчалась полиция. Еще несколько секунд, и с соседнего танкера

по крышам крест-накрест ударили две мощные струи нефти. Поющие смешались, начали было сосканивать на землю, но что-то их остановило. Обхватив руками лица, они ожесточенно запели вновь. Тогда опять завыл сирены. Полиция окружила пакгаузы и цепью стала вдоль нашего борта. Нефть на танкере выключили. На крыши полезли полицейские с дубинками. Увидев, что мы фотографируем, власти приказали нам засветить пленку и немедленно разойтись по каютам.

Из иллюминатора каюты я видел только кусок причальной стенки, часть резинового крана и два кованных сапога. В порт нас пустили, когда все было кончено.

АЛМАЗЫ, ЗОЛОТО И ТИГРЫ

Сходить с палубы на берег не хочется, в сердце еще стучит бессильный гнев. Трудно свыкнуться с мыслью, что не можешь вмешаться, вступить, даже просто встать в один ряд с друзьями. Нет, не хочется идти в гости к фашистам. Но журналистское любопытство берет свое, и я иду знакомиться с портом. У нашего судна теперь тихо, будто ничего и не случилось.

Порт типично колониальный, другими словами, полностью приспособленный для модернизированного грабежа. На рейде новейшие океанские буксиры. У причалов гигантские супертанкеры и сухогрузы. В среднем из десяти судов разгружаются два — нефтепродукты, горное оборудование, автомобили, мешки пшеницы, товары широкого потребления. Остальные суда загружаются — алмазный и золотой концентрат, ванадий, свинцовые и цинковые руды, медный купорос. К западногерманскому судну «Усамбара» подвозят ящики консервов из сардин и крабов и рыбную муку. На это же судно грузят клетки с обезьянами, тиграми, страусами и еще какими-то диковинными птицами. Два танкера американизированной англо-голландской «Шелл» принимают тюки шерсти и каракуля. Ошвартованный у портового холодильника английский рефрижератор загружается мясом.

Полукилометровой стрелой мола бухта раз-

делена на две половины. Там, за молом, рыбацкая гавань. Я насчитал около двухсот промысловых судов, но все мелкие, парусные и моторные фелюги. В Уолфиш-Бее семь рыбоконсервных заводов. Говорят, они едва успевают перерабатывать улов. Рыбы в этой части Атлантики очень много.

В прошлом Уолфиш-Бей был рыбацким поселком. Затем, когда Юго-Западную Африку захватили немцы, Германия построила тут военно-морскую базу.

В 1920 году Лига наций временно дала мандат на управление ЮЗА Южно-Африканскому Союзу, теперешней Южно-Африканской Республике, вопреки протестам ООН, превратившей ЮЗА в свою «вотчину». Во время второй мировой войны ЮАС, как доминион Англии, официально воевал против Германии, но уже тогда здесь было полно прогитлеровских фашистов. В Уолфиш-Бее они «нелегально» устроили базу германских подводных лодок, нападавших на транспортные суда Англии, курсировавшие между Кейптауном и метрополией. Сейчас этот порт служит в основном всепоглощающим колониальным насосом. Добро тянут кому не лень, новая метрополия не скупится.

БЫВШИЕ И БУДУЩЕ

По сравнению с громадным портом город Уолфиш-Бей небольшой; в так называемом белом городе три с половиной тысячи жителей. Похожие на казармы шлакобетонные и дощатые дома, камень, выедающая глаза пыльца. Ни деревьев, ни цветочка, ни травинки. Редко перед каким-то домом увидишь одинокий кустик акации или пару стеблей кантуса. Кое-где во дворах грядки капусты. Зачем сажать цветы, если из них ничего не сварить? Капуста куда выгоднее. На весь город одна чахлая пальма, кажется, около женской школы. Единственный в Уолфиш-Бее свяжик у портового «Ангел-клуба» — католического клуба моряков. Воспользоваться гостеприимством этого богоугодного заведения нам усиленно предлагал целый легион святых отцов.

Переводчиком у попов был эстонец, отлично



Этот снимок — свидетельство подлинного мужества грузчиков порта Уолфиш-Бей. Решив сфотографироваться с советскими моряками, они бросили открытый вызов фашистам.

знающий русский язык. Холерный, важный, в массивных роговых очках. Этак лет пятидесяти. Спрашиваю, как он здесь очутился. Отвечает с развязным цинизмом, никак не соответствующим его комплекции:

— Судьба, морячок, играет человеком. Бежал в сорок платом из матушки Эстонии.

— От кого же убежали?

— От вас, конечно! Вы бы меня, голубчики, на первой веточке вздернули.

Жаль, что не вздернули. Видно, птицей у гитлеровцев был не последней. Публика в Уолфиш-Бее как раз такого пошиба. Кого тут только не встретишь! Бывшие эсэсовцы, бывшие итальянские чернорубашечники, французские оасовцы, впавшие почему-то в немилость у своих фюреров, но не изменившие нацистским идеям, фашисты Испании и Португалии. Под «алостельскую» руку расиста Фервурда сюда слеталась всякая шваль со всех концов мира. Пятьсот человек одних недобрых эсэсовцев — две трети всех взрослых мужчин белого города. В день прихода нашего корабля эти цифры сообщила местная газета. Не знаю, с какой целью, но, должно быть, не без надобности.

Идем с гидом в город, за нами бегут мальчишки.

— Спички! Спички! — кричат по-русски.

Мальчишки — везде мальчишки. Уже выучили русские слова! Я остановился, достаю коробок. Вдруг откуда ни возьмись юнец лет двенадцати. Ковбойская шляпа со шнурком, цвета хаки безрукавка и шорты. На ремне настоящий пистолет и нож. Смотрит воинственно, грозно.

— А ну, голодранцы!

Мальчишек как ветром сдуло. Вооруженная юная особа победоносно хмыкнула, смерила меня злобым взглядом и, насвистывая, вразвалочку удалилась прочь. Гарри Холл, мой гид, весело расхохотался.

— Будущая гвардия Фервурда! Бойскаут. Этих щенков дрессируют, как волчат. Если белый в двенадцать лет не нацепит оружие, он становится здесь подозрительным. Не идиоты? Я обещаю, вы увидите еще не такое.

ПОЗНАКОМЬТЕСЬ С ГАРРИ

Ему двадцать три года. Высок, строен, как большинство англичан, сухоощав. Светлые волосы и очень голубые глаза. Тонкий рот несколько велик, и поэтому, когда Гарри хохочет — а это случается не так уж редко, — смеется все лицо. Одет небрежно: серый денлоновый пиджак, красная рубашка с зеленым галстуком и тегасские брюки. На обеих руках увесистые дорогие перстни.

Гарри ведет жизнь великосветского оболтуса. Так он отрекотендовал себя сам. В Лондоне у него богатые родители, он их единственный наследник, будущий владелец фабрики по производству пряжек, подтяжек и прочей мелкой галантереи. Ф-фу, пряжки, какая проза! Гарри с пеленок бредил карьерой капитана дальнего плавания. Потом узнал, что для этого нужно учиться, и притом много лет. Увы, Гарри терпеть не может никаких наук. Великий бог, хватит с него и средней школы!

В Уолфиш-Бее у него дядя, что-то там делает в своей фирме. Гарри совершил сюда из Лондона морское путешествие, чтобы немного развлечься.

Не будь пронятых штормов, Гарри давно бы вернулся в Лондон. В этой дыре нет даже приличных девчонок. Можно лететь самолетом, но говорят, самолеты иногда разбиваются. Лучше Гарри подождет. Ему осточертела вся эта сумасшедшая публика Уолфиш-Бее, но он твердо знает: пока он на земле и рядом с дядей, его родители спокойны.

С русскими парнями Гарри раньше дела не имел, но он слегка представляет, где Россия. Когда я рассказываю что-нибудь хорошее о нашей стране, Гарри морщится. Это, однако, не мешает ему восхищаться русскими моряками, причем непременно при местных нацистах. Ясно, бравирует. К фашистам Уолфиш-Бее ненависти у него нет, но отвращения в избытке. Неграми брезгует, считает дикарями, но вместе с тем и сочувствует им. То, как они встречали нас в порту, по его мнению, — хороший щелчок по носу нацистов.

ЧЕЛОВЕК БЕЗ ИМЕНИ

В центре Уолфиш-Бее стоит здание пивного бара. В баре прислуживает белым посетителям маленький черный карлик. Вся его одежда — меховая набедренная повязка, такой же ремень из шнуры антилопы и пучок распушенных страусовых перьев на голове. Руки выше локтей схвачены двумя медными браслетами. В ноздри вдето костяное кольцо. Лицо и тело ярко раскрашены.

Положив на колени полотенце, карлик сидит на рогожке у буфетной стойки, ждет, когда его кто-нибудь позовет. Подхожу к нему, поздоровавшись, спрашиваю имя. Вскочил, очень удивленный. Видно, тем, что я обратился к нему на «вы». С учтивым поклоном говорит:

— Бушмен, мой господин.

— Бушмен? Это же национальности!

— Да, мой господин, но другого имени у меня нет.

— Как же так? У всех людей есть имена.

— Да, мой господин, но меня поймали младенцем, я не помню своего имени.

— Вас поймали? Кто? Где?

Перебив наш разговор, за соседним столиком пьяно крикнули:

— Эй ты, обезьяна!

Прибавив неизменное «мой господин», карлик извинился, тропливо засеменил на зов. Двое пьяных за столиком успели, однако, разгневаться.

— Как ползешь, каракатица?

Сначала я не понял, что от него требовали. Потом вижу, карлик вернулся к своей рогожке, бросил полотенце и снова направился к столику. Но теперь шел вниз головой. Быстро перебирая руками, он болтал в воздухе босыми пятками и, выгнув, как утка; шею, «радостно» кричал. За многими столиками раздавался хохот. Я невольно потянулся за фотоаппаратом, но не спускавший с меня глаз бармен истерично завопил:

— Най! Най!

Хохочущий зал, как по команде, затих. Все угрожающе уставились на мой фотоаппарат.

Пожалуй, самая жизнерадостная ария в самой веселой опере — ария Фигаро в «Севильском цирюльнике». Распахнув плащ, под которым проецируются атрибуты брадобрейского ремесла — от широкого ассортимента гребней до тазика для бритья — Фигаро озорно бренчит на гитаре, аккомпанируя своей песенке о вездесущем и всем необходимом малом:

Нужен я старцу, нужен красоте...
 Ля-ля-ля-ля!
 — Фигаро?... Я здесь!
 — Фигаро?... Я там!
 Первый фактотум — вот
 и каков!

А знаете, что такое первый фактотум?... Поройтесь-ка в словаре. Порылись? Установили?... Так вот. Фактотум происходит от латинских слов «фак тотум», что означает «делай все». Иными словами, фактотум — это мастер на все руки.

Таким и был неунывающий коммунальник восемнадцатого века в короткой куртке — «фигарошке», с неизменной гитарой и с незаменимым парикмахерским инвентарем.

Сделав это небольшое музыкально-историческое отступление, мы хотели бы кинуть взор на современных Фигаро в отутуженных халатах, с электромашинами в руках. Нет, нет, вовсе никто и не собирается к нашим современным коммунальникам предъявлять столь разносторонние требования. От нынешних парикмахеров мы хотим лишь «минимума» — быстро и безболезненно нас побрить и привести прическу в планово-элегантный порядок.

Однако в последнее время наблюдается некоторое, так сказать, снижение уважения к представителям столь необходимой профессии. Может быть, этому способствовало появление домашних портативных электробритв и причесочных щеток с нейлоновым ворсом. Может быть, сказалось сужение круга бывших фактотумных



обязанностей... Больше того, замечено, что постепенно назрел конфликт между энтузиастами таких геройских специальностей, как шахтеры, сталевары, механизаторы, космонавты, и приверженцами прозаического парикмахерского ремесла. В художественной литературе и кинематографии ежели и выведен какой-либо парикмахер, так, будьте уверены, персонаж этот явно отрицательный, до краев наполненный набором несимпатичных пережитков.

А между тем попробуйте обойтись без товарищеской помощи наших родимых фигаро. Не так-то просто! И тут позвольте мне поведать одну историю, которая произошла совсем недавно в небольшом шахтерском поселке.

Было это под городом Новошахтинском. В поселке обитало несколько сот горняков и всего лишь один парикмахер. Это был парень лет двадцати пяти, крепкий и веселый, ну прямо под стать своему далекому предшественнику из комедии Бомарше и оперы Россини. Он исправно брил подбородки и подравнивал височки своим дюжиной клиентам, успевая при этом отбиваться от их беззлых шуток. Особенно донимал нашего героя один молодой проходчик по фамилии Нефедов.

— Тебе бы, Кеша, — говаривал проходчик, — при таких габаритах

впрячься бы в вагонетку вместо электровоза... Ого-го, сколько бы на-гора! сверх плана уголька выдали!..

Наш герой отбивался как мог. Он что-то твердил насчет того, будто у самого Нефедова хватает лошадиных сил, он доказывал, что без парикмахеров пока еще никак не обойтись народному хозяйству... Словом, назревал конфликт.

Проходчик не унимался. Подставляя свои тугие щеки под бритву поселкового Фигаро, он тем не менее продолжал охавать эту «прислуживающую бытоединицу».

— Может, ты и прав, — задумчиво молвил однажды Кеша, — может, и впрямь устарела моя специфика?.. Может, на заводах уже заждались моего персонального уголька?.. Поразмыслить треба...

Одним ясным зимним вечерком проходчик собрался было на танцы в местный Дворец культуры. Но, поглядев в зеркало, обнаружил, что его шевелюра приобрела, мягко выражаясь, малопривлекательный вид.

Проходчик ринулся к парикмахеру. Его прыть подогревала мысль о том, что на танцах можно встретиться с неким воздушным существом, совершенно не терпевшим неряшливости и неаккуратности... Дверь павильона, в котором обычно священнодейство-

Первый факт

вал поселковый Фигаро, была заперта. Нефедов постучался с вполне оправданным нетерпением. Наконец ему открыли.

— Нету Кеша-то, — пояснили проходчику. — Переквалифицироваться решил. В вечернюю смену на шахту пошел. «Нарубаю, — сказал, — уголька больше, чем этот передовик Нефедов!»

Проходчик ушел, чествуя всех тщеславных брадобреев на свете. В течение месяца он не раз порывался постричься у Кеша, но тот рекомендовал перейти на самообслуживание:

— Пока не пришлют мне заместителя, стригись, браток, при помощи врубовой машины...



Я вынужден был уйти.

Гарри рассказал мне историю маленького бушмена.

Племя бушменов-карликов живет, точнее, жило, в пустыне Калахари. Южноафриканские миссионеры пытались обратить их в католичество, но карлики убегали или стреляли в миссионеров отравленными стрелами. Был случай, когда стрела достигла цели. Тогда в столице Южно-Африканской Республики Претории приняли решение истребить племя. Еще недавно многочисленное, оно уже фактически уничтожено. Бушменов-карликов, по приблизительным подсчетам, осталось меньше ста человек. Наверное, их тоже скоро уничтожат. Расисты охотятся на них, как на кроликов.

Карлика, которого я видел, поймали в пустыне ребенком. Расчетливый «охотник» вырастил мальчика и продал столичному бармену в качестве экзотической рекламы бара. Из Претории карлик попал в Йоганнесбург, из Йоганнесбурга — в Виндхук, а оттуда — в Уолфиш-Бей. Если он перестает привлекать посетителей одного бара, его продают в другой. Продаю в открытую, запросто, как вещь.

Вспоминаю его глаза — немного навязаные, большие и темные. Сколько в них страдания, грусти и невысказанной человеческой боли! Он хорошо знает три языка: африкаанс (государственный язык Южно-Африканской Республики), английский и немецкий. Он чудесный гимнаст и неплохой художник. Заплатите бармену десять шиллингов, и через пятнадцать — двадцать минут вы получите свой портрет, написанный «дикарем». Рисует он тут же, у буфетной стойки. Возле его рогожки стоит мольберт и ящичек с акварельными красками, карандашами и бумагой.

За полтора шиллинга, заплаченные тому же бармену, вы можете приказать карлику подняться по тоненькой веревочке к люстре. Он ухватится за ее бамбуковые рожки и будет там, на четырехметровой высоте, выделывать гимнастические упражнения, словно под куполом цирка. А если вам угодно, он сплещет на одной руке или спует веселую песенку, забравшись на онюнную форточку, будучи птицей.

Вам может что-то в карлике не понравиться.

Ну что ж, вы вольны наказать его, ударить или пнуть ногой. О, своим плачем настроения вам он не испортит! Он только скажет:

— Да, мой господин, я виноват.

Вам никто не запретит сделать с ним все, что вы пожелаете. Если у вас, конечно, белая кожа и есть чем заплатить бармену.

Он очень покорный, этот маленький раб. И очень доходный.

ТАНКИ И НАГРАДА МЭРУ

Неширокая полоса кварталов Уолфиш-Бей просвечивается сквозь заросли. Сразу за домами вздымаются ядовито-желтые барханы пустыни Намиб. Если пересечь центральную площадь и километра на полтора выйти в пустыню, справа, в песках, увидишь шлагбаум военного лагеря и танковый полигон, слева — негритянский резерват. В городских домах живут белые, а негры — в резервате. Они все работают в Уолфиш-Бее, но в число его населения не входят: горожанам может быть только белый.

Палит солнце. Гарри лениво рассказывает:

— Недавно тут была заварушка. Какая-то истеричка прикончила кухарку. Черномазые взбунтовались и ринулись к городской управе требовать справедливого суда. Полиция и бойскауты их прогнали. Они потом неделю не выходили на работу. Капитан пустил в ход танки. За день не могли всех похоронить. Попробовал бы он устроить такую петрушку в Лондоне! Черномазые — трусливые крысы, я бы закопал его в эти барханы живьем.

— А что будет с резерватом?

— Как что? Они... Гарри загорячился, но на полуслове остыл. — У них нет оружия. Капитан приказал отобрать даже вилки. За укрытие кухонного ножа — три года прелестей золотого рудника.

Капитаном в Уолфиш-Бее называют мэра. В Южно-Африканской Республике, а значит, и в Юго-Западной Африке, есть «морали-закон». Нечто похожее на гитлеровский закон о чистоте расы. Если белого застанут с афри-

канкой, обоих наказывают публичной поркой, после чего африканку отправляют в тюрьму или на принудительные работы, а белого приговаривают к штрафу. Этот «морали» касается всех, кроме, понятно, сильных мира сего.

Глава Уолфиш-Бей завел такой порядок. Африканец задумал жениться. Женись, но сначала получи разрешение у самого мэра. Капитану твоя невеста может приглянуться. Будь за это ему благодарен и отдай мэру свою будущую жену в служанки. Когда ее можно будет забрать, тебе скажут. Уплатишь брачный налог и играй свадьбу.

Запуганные африканцы молча выполняли все требования мэра, пока одну женщину полиция не забила до смерти за то, что она рассказывала, от кого родила мулата. Во время похорон в резервате начались волнения. С громом убитой африканцы направились в белый город. Для мэра все могло закончиться скандалом. Он вынужден был выехать навстречу процессии и сказать, что заведенный им порядок женитьбы негров отменяется.

Резерват успокоился, но не успокоился мэр. На следующий день он издал распоряжение, запрещающее африканцам, за особым исключением, покупать хлеб и мясо. По ночам полиция врывается в дома резервата проверять горшки. Достаточно было найти хлебную корку или канюю-нибудь кость, чтобы хозяина дома арестовали. Об этом узнало правительство... Мэру Уолфиш-Бей прислали денежную награду и грамоту Националистической партии. Его распоряжение записали в непрерывно разбухающее дополнение к «кодексу законов для чернокожих».

Награду прислал департамент экономики. Там подсчитали, что от нового закона государству большая выгода: сократится импорт хлеба и увеличится экспорт мяса. В экспорте Юго-Западной Африки мясо — важная статья. Руководство Националистической партии пошло с другой стороны: у голодных туземцев меньше будет охоты бунтовать.

Гарри смеется:

— Мораль «морали»!

(Окончание следует.)

Ян ПОЛИЩУК



ОТ УМ

Проходчик оброс и загустел. Наконец не выдержал и вместе со своими столь же обеспокоенными друзьями явился к парикмахеру с просьбой вернуться на боевой пост. Еле уломали горднца...

— Ладно уж, согласен, — подытожил проходчик, когда под искусными руками Кеши его прическа приобрела пристойный вид, — нужны вы еще народному хозяйству, вó как нужны!..

Вот, так сказать, действием, а вернее, бездействием поселковый Фигаро доказал, что его профессия еще очень нужна.

— Конечно, — резюмировал он, — через десяток лет нас впол-

не заменит кибернетическая машина. Может, она будет вам делать «польку-бабочку» и спрашивать музыкальным голосом: «Не беспокоит?» А пока попросу нас уважать!.. Да-с, уважать!.. И меня, и шеф-повара в поселковой столовой, и почтальона Мишу, который приносит вам поздравительные телеграммы... Словом, всех, кто вас обслуживает.

А ведь он прав, этот поселковый Фигаро, честное слово, прав! Перифразируя слова его собрата по ремеслу из «Женитьбы Фигаро», можно с полным правом сказать:

— Нет маленьких профессий — есть маленькие люди!

Человек труда всегда относится с уважением к представителю любой профессии. Разве мы не должны почитательно снимать шляпу перед поваром, встающим в полночь-за полночь, чтобы приготовить для нас на завтрак вкуснейший шницель с гарниром?.. Разве мы не должны быть благодарны подвижному продавцу в синем кокетливом берете за то, что он без задержки и вежливо завернул нам покупку?.. Разве мы не должны теплым словом помянуть почтальона с толстой сумкой на ремне за то, что он сизым утром приносит нам свежие газеты?..

Очевидно, вы заметили, что в последнее время в торговые учреждения пришло новое пополне-

ние. На смену разбитым продавцам с грубоватыми манерами явились молодые люди с мягкими, застенчивыми улыбками. Они еще смущаются при встрече с требовательными покупателями. Но постепенно наша торговая молодежь набирается опыта, учится, как быстро и предупредительно обслуживать людей. Постепенно она начинает ценить свою новую профессию, ценить то большое дело, которое доверено их честным рукам.

И покупатели радуются этому весеннему потоку. Покупатели отвечают улыбками на улыбки, благодарственными записками — за быструю и добросовестную работу.

Но почему так мало молодых лиц среди работников ателье? Или здесь не надобны искусные портные и чудодеев-закройщики, способные превратить любого узальника в чемпиона по стройности? Почему так редко встретишь юный лик в службе быта? Или нам не нужны расторопные транспортники и золотые руки в мастерских «Бытремонта»?.. Может, мы сами порой виноваты в этом?

Позвольте в заключение рассказать вам об одном эпизоде из жизни моего приятеля — официанта московского ресторана.

Это человек средних лет, одетый всегда безукоризненно, с ласковой, доброжелательной улыбкой на губах. Остальные анкетные данные я не привожу. О них вы догадаетесь из нижеизложенного.

Так вот. Как-то в ресторан пришел один посетитель. Это не был нахал из племени молодых стилистов или подгулявший командированный. Нет, это был обыкновенный служащий, кажется, даже инженер из расположенного по соседству строительного управления. Возможно, что в обычной обстановке он даже считался скромной личностью. Но, оказавшись в ресторане, он повел себя, как наследный принц... Он величествен-

ным жестом пододвинул моего знакомого, пренебрежительным тоном заказав обед, не помню уж из скольких блюд... Отобедав, он милостиво сунул в руку официанта полтинник «на чай».

Я не буду утверждать, что все официанты так уже неподкупны и бескорыстны. Такое обобщение делать еще, пожалуй, рановато. Но это предмет для особого разговора. А что касается моего знакомого, то между ним и посетителем произошел неприятный разговор. Официант с достоинством отрезал от чаевых и сказал, что требует уважения к себе. Еще он сказал, что его прямой и обычный долг обслуживать вежливо и быстро всех посетителей, даже таких высокомерных, как этот инженер...

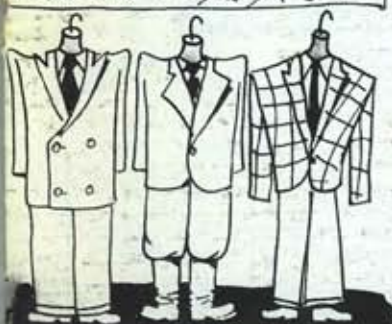
— Скажите, пожалуйста, — скривил губы посетитель, — при вашей профессии я не был бы так щепетилен. Небось, только и ждете, что хорошего куша... До будущих встреч!

И представьте себе, в будущем такая встреча состоялась. Это было похоже на киноновеллу. Инженер спустя некоторое время пришел в райисполком, чтобы похлопотать о получении новой квартиры. Вообразите себе его изумление, когда среди членов депутатской комиссии он увидел знакомого официанта... Надеюсь, что этот урок пошел на пользу «высокопоставленной» персоне... Не правда ли, как любопытно изменились функции у наших современных «первых фактотумов»!..

Я снова вспоминаю нашего очаянного Фигаро из горящего поселка. Возможно, он прав. Со временем все дела обслуживания лягут на покорные плечи кибернетических машин. Но пока еще нужны люди, занятые добрыми услугами. Покамест, как подчеркивал мой знакомый из-под Новошахтинска:

— Попрошу нас уважать!.. Всех, кто вас обслуживает... Да-с, уважать!

МОДЕЛИ 1949 52 63г





Испытание автомобиля

Готовясь к большому автопробегу, шофер решил испытать свою машину на трассе. Его автомобиль пробыл на трассе один час. Первую четверть пути машина шла со скоростью 100 км/час. Вторую четверть — со скоростью 90 км/час, третью четверть — со скоростью 80 км/час и последнюю четверть пути — со скоростью 60 км/час. Сколько километров прошел автомобиль за этот час испытаний?

Цепь

Заказчик принес кузнецу цепь, разорванную на 5 кусков, по три звена в каждом куске, и попросил сковать эти куски в целую цепь. Кузнец согласился выполнить работу по следующей расценке: за каждое раскованное и вновь скованное звено заказчик должен заплатить ему по 50 копеек. Выполнив работу, он подсчитал, что должен получить за нее два рубля. Однако заказчик отказался уплатить эту сумму, заявив, что данную работу можно выполнить не за четыре операции, а быстрее. Кузнец согласился вообще не брать денег, если заказчик покажет, как это сделать. Заказчик объяснил, как надо было поступать. Попробуйте и вы подумать над этим вопросом.



Один велосипед на двоих

У двух ребят был один велосипед, на котором они отправились в соседнюю деревню. Ехали они по очереди, но всякий раз, когда один ехал, другой, по условию, должен был идти пешком, а не бежать. Спрашивается: каким образом они ухитрились прибыть в деревню почти в два раза быстрее, чем если бы оба шли пешком?



Шесть стаканов

На столе стоят шесть стаканов. Как видно на рисунке, три стакана наполнены водой, а остальные пустые. Попробуйте переставить эти стаканы таким образом, чтобы первые три стакана в ряду были с водой, а последние — пустые. Переставлять нужно одновременно по два смежных стакана. Эту перестановку можно совершить всего лишь за три приема.



ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В № 2

Наследство старого араба

Мудрец предложил братьям снова разделить наследство отца. Теперь братья легко разделили 18 верблюдов пополам, на три и на девять частей. Когда же сложили $9 + 6 + 2$, то получили 17. — Я вижу, — улыбнулся мудрец, — что мой верблюд лишний. С этими словами он уехал.

Три конькобежца

Первый прошел 4 круга, второй — 6, а третий — 5 кругов.

Состязание в меткости

Чтобы решить эту задачу, надо все выбитые очки расположить в три ряда так, чтобы сумма каждого ряда равнялась 71 очку:
 $25 + 20 + 20 + 3 + 2 + 1 = 71$
 $25 + 20 + 10 + 10 + 5 + 1 = 71$
 $50 + 10 + 5 + 3 + 2 + 1 = 71$

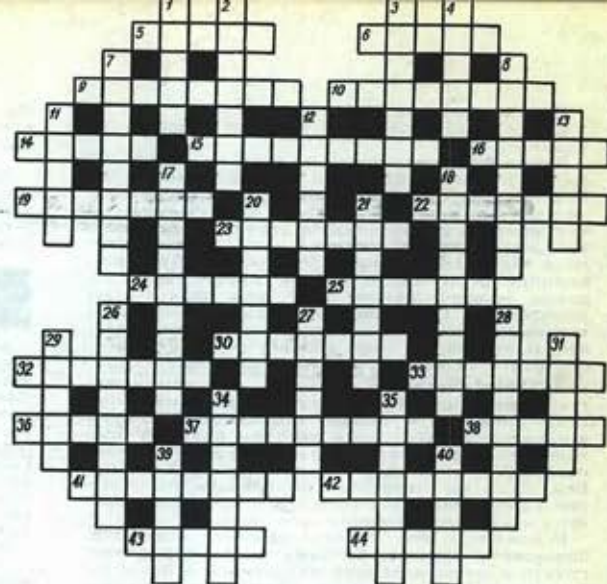
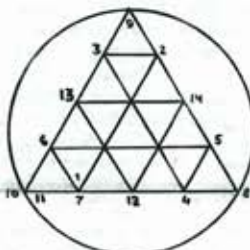
Так как известно, что первыми двумя выстрелами Петр выбил 22 очка, то очевидно, ему принад-

лежит верхний ряд. Иван первым выстрелом выбил три очка, значит, ему принадлежит нижний ряд. Следовательно, он-то и попал в «яблочко».

Турист не пошел пешком...

Турист не выиграл времени, а проиграл. Потрачено лишнее время на поездку в автомашине.

Решение задачи «Треугольник в круге» показано на рисунке:



КРОССВОРД

Наши замечательные соотечественники

Составил В. ЧИБАЕВ, г. Кизил-Арват.

По горизонтали:

5. Народный художник СССР. 6. Татарский народный драматург. 9. Советский космонавт. 10. Таджикский ученый X—XI веков. 14. Сопратник М. Железняк в крестьянском восстании на Украине. 15. Русский ученый-энциклопедист, открывший присутствие атмосферы на Венере. 16. Автор повести «Степь». 19. Один из первых актеров Московского Художественного театра. 22. Художник-пейзажист XIX века. 23. Основатель сатирического жанра в русской живописи. 24. Автор пьесы «Любовь Яровая». 25. Герой гражданской войны. 30. Художник-передвижник. 32. Солдат, герой Вородинского сражения. 33. Основатель школы русских физиологов. 36. Маршал Советского Союза. 37. Поэт, лауреат Ленинской премии. 38. Организатор народного ополчения, освободившего Москву в XVII веке от интервентов. 41. Украинская писательница, поэт и драматург. 42. Декабрист, друг А. С. Пушкина. 43. Автор проекта Мавзолея В. И. Ленина. 44. Советский шахматист, гроссмейстер.

По вертикали:

1. Известный русский путешественник. 2. Академик-ботаник, Герой Социалистического Труда. 3. Основатель школы советских физиков-оптиков. 4. Кабардинский народный поэт. 7. Живописец, учитель художников-передвижников. 8. Организатор первой женской тракторной бригады. 11. Изобретатель радио. 12. Русский металлург, первый в Европе изготовивший высококачественную булатную сталь. 13. Народный поэт Белоруссии. 17. Основатель школы русской физиологии растений. 18. Ученый, открывший периодический закон химических элементов. 20. Советский физик, лауреат Нобелевской премии. 21. Русский трагический актер XIX века. 26. Украинский поэт. 27. Выдающийся русский физик и электротехник, академик. 28. Астроном, создатель теории кометных форм. 29. Родоначальник литературы на узбекском языке. 31. Один из создателей русской оперы. 34. Народный артист СССР, организатор Ленинградского театра юных зрителей. 35. Ученый, открывший и измеривший давление света. 39. Узбекская танцовщица и певица, народная артистка СССР. 40. Автор поэмы «Маяковский начинается».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЕ В № 2

По горизонтали:

7. Поронайск. 9. Казанский. 10. «Гора». 11. Транспорт. 12. Агин. 13. Вратарь. 15. Слепцов. 17. Орган. 21. Ателье. 22. Логика. 23. Дансута. 24. Штопор. 25. Строфа. 28. Штамп. 32. Рассказ. 33. Барабан. 34. Адур. 36. Обращение. 37. Плуг. 38. Княженица. 39. Антимонит.

По вертикали:

1. Монодрама. 2. Хора. 3. Фактура. 4. Пастель. 5. Осса. 6. Пикировка. 8. Кондор. 9. Купюра. 14. Тяжеловес. 16. Папировка. 18. Гаргуша. 19. Ведро. 20. Класс. 24. Шевардино. 26. Андалузит. 27. Таможня. 29. «Тамара». 30. Мурена. 31. Забелин. 35. «Рожь». 37. Пион.

Первая страница обложки: Комсомолец Виктор Момот — один из тех, кому полюбилась высота. Не так давно лучший мастер-верхолаз и его молодые друзья закончили монтаж новой линии электропередачи напряжением в 500 киловольт. Двадцатисемиметровые опоры прошли через тайгу, связав Братск с Иркутском. Электрическая река Единой Сибирской Энергетической системы получила еще один мощный приток.

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, Б-66, Спартакоская, 2-а.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Коммутатор Е 1-70-20.

Для справок — доб. 2-42; отделы: литературы и искусства — доб. 2-15; очерка и публицистики — доб. 3-52; международной жизни — доб. 3-21; физкультуры и спорта — доб. 3-44; сатиры и юмора — доб. 4-79; писем — доб. 2-53; науки и техники — Е 7-65-82; информации — Е 7-65-82; оформления — Е 7-51-32.

Главный редактор А. В. Никонов.

Редколлегия: Ю. Н. Верченко, Е. А. Долматовский, С. В. Егоров [ответственный секретарь], В. А. Костров, В. А. Кочетов, Е. И. Рябчиков, А. Б. Стуков.

Рукописи не возвращаются.

Оформление В. Недогонова.

Технический редактор Н. Будкина.

А 00014. Подписано к печати 19/1 1963 г.

Тираж 1 000 000 экз.

Изд. № 175

Заказ № 3594

Формат бумаги 70×108/4.

2 б. л. — 5,48 п. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, Москва, ул. «Правды», 24.



Рисунок В. ЧУПРЫГИНА.



Рисунок В. ДРОГАЛИНА.



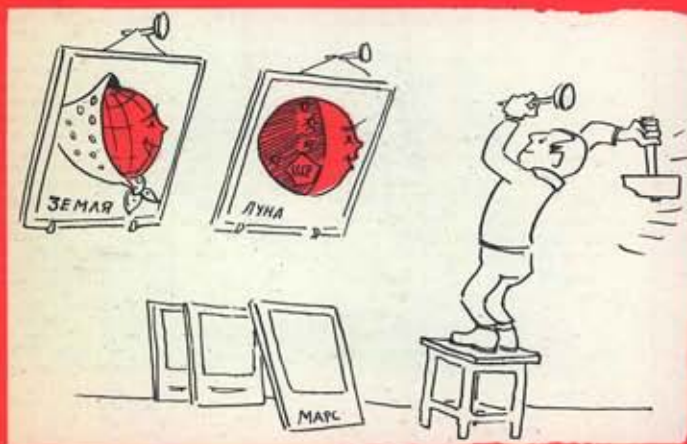
ПОЛУИНТЕЛЛИГЕНТ.

Рисунок для КЛШ польского художника К. ГЛОВАЦКОГО.



НАТУРЩИЦА.

Рисунок В. ДМИТРИЮКА.



ДЛЯ ОЧЕРЕДНОГО ПОРТРЕТА.

Рисунок А. ШАБАНОВА.

Петр КАРК

Незатейливые сказки

Галстук

Очтившись в обществе новеньких Запоянов, Галстук весь подобрался, разглаживал морщинки и, сияя ослепительным рисунком, галантно говорил: — Вас, конечно, интересует наш хозяин? О, это скромнейший малый! Я изю всех сил стараюсь вывести его в люди. Едва он меня надевает, его тут же сажают в президиум, приглашают в гости, в театр. Если бы не я, он бы вечно возился со своими станками. Вот увидите, я сделаю из него человека!

Роза

Алая Роза была самым красивым цветком в саду, и все были в нее влюблены: и Грабли, и Лопаты, и даже Садовые Ножницы. Но она, поджав губки, презрительно цедила: — Плебей, серости! И смотрела только на Оснолок стенда, случайно оказавшийся в саду. Он ленил так, что лучи солнца, отражаясь от него, падали прямо на Розу. И та приходила в восторг: — Какой он прелестный! Днем светится, как солнце, а ночью — как маленькая луна. Я обязательно должна с ним познакомиться поближе. И вот Грабли, больше других влюбленные в Розу, не смогли протолкнуть ее желанию и пододвинули к ней Оснолок. Роза приоснулась к нему, но тут же отпрыгнула: он был холодный, острый. Он сразу потерял весь свой блеск. И Алая Роза горько оплакивала напрасно загубленные лепестки.



Рисунок Е. ФЛЯГИНА.

ВНИМАНИЕ—ЗАДАНИЕ!..

О бракоделах особой статьи

Для них статья Уголовного кодекса пока еще не предусмотрена. Это бракоделы особой статьи.

Если такой бракодел сошьет пиджак, то оба рукава у него будут математически одинаковой длины и пуговицы легкомысленно не отскочат при первом прикосновении. Сработает та-кой мастер ботинки — в них окажется положенное число гвоздей, клеймо ОТК авторитетно засанкционирует, что это—изделие первого сорта. Примется подобный умелец шпалачивать шпал — не пожалеет ни досок, ни илел, ни старания. Словом, за что ни возьмись, он работает по чертежам и шаблонам, выдерживает размеры, непогрешим перед ГОСТами и инструкциями. И все же это бракодел, причем самый зловер-дый.

Пройдите по магазинам, и вы увидите, сколько первосорт-ного брака лежит на полках, висит на плечиках и стоит на своих четырех.

По ярлычку это пиджак, а по виду ни сюртук, ни нацавейна, ни дедушкин поддегвай. Зовется изделие туфлями, а сам Обувь-пром не отличит их от бабушкиных чоботов. О шпале и спялку не скажешь «уважаемый шпале».

«Какой век, какой эпоха породила это «великолепие»?— лома-ет голову потребитель.— Каменноугольный период или мезо-зойская эра — раздолье мастодонтам?»

Соберется человек с деньгами и на крыльях восторга летит в магазин за обновой. Но крылья восторга не крылья «ТУ-104», их хватает ненадолго. Полетает-полетает попутатель по мага-зинам, и опустится крылья: не хочется ему в обнове выглядеть полномочным представителем периода нэпа или времен Золо-той орды. Поддерживает его в иснаниях только одно. Везде ему говорят:

— Вот только что были прекрасные и недорогие, очень со-временные сорочки (пиджаны, плащи, шкафы и т. п. и т. д.). Все расхватали. Выбирайте вот из этого...

Свобода выбора при этом простирается вплоть до «не хоти-те, не берите».

Годами висят, лежат и стоят в магазинах поглотители пыли и народных денег, именуемые «неходовыми товарами», идут своей очереди в отдел «уцененных товаров». Вбиты в них вре-мя, труд и миллионы рублей, и убиты ими радостные улыбки покупателей, их надежды красиво одеться, придать совре-менный вид своей только что полученной квартире в новом доме.

Первые борцы с такими бракоделами — потребитель, то есть все мы. А самое верное средство — критическое слово.

Направим прожектор критического слова на бракоделов особой статьи. Назовем имена, адреса и ведомства тех, кто сегодня все еще пытается одеть нас в Митрофанушкины каф-таны, заваливает нас «шедеврами» топорной работы, кто превра-щает наши магазины в лавины древностей.

Обратим оружье смеха на тех, кто ради спокойной жизни цепляется за старое, отжившее, кто бонится всего нового, кто не понимает, что признаки «не хочешь, не бери», «и так сой-дет» теперь уже ни к селу, ни к городу.

Как и прежде, присылать на эту тему можно и стихи, и прозу, и карикатуры, и корреспондэнции. Чтобы материалы успели и блестящему выпуску, они должны поступить в КЛШ не позднее 30 марта.

Идем ваших писем!

Правление КЛШ

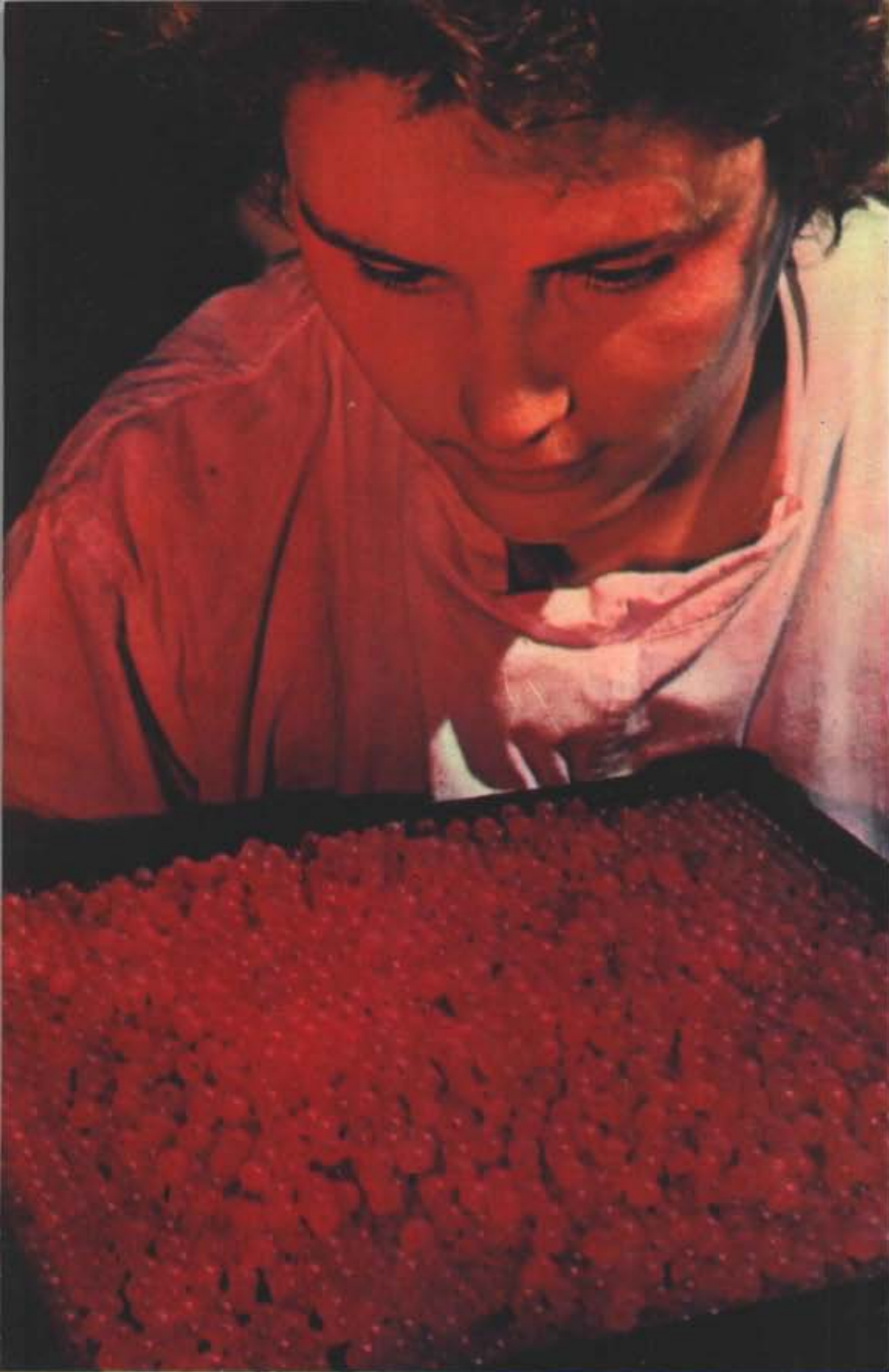


Фото В. МИШИНА

Осенью на мелких сахалинских речушках, впадающих в море, можно увидеть удивительное зрелище. Вода буквально кишит ободранными, слиявшими рыбьими телами. Рыба идет вверх по речке сосредоточенно и остервенело. Это великий инстинкт гонит кету и горбушу на нерест в те самые места, откуда три-четыре года назад они выбрались в океан крохотными мальчиками. Рыба бороздит многие моря, бывает в разных широтах, но метать икру возвращается на «родину». Во время нереста кета и горбуша так истощаются, что погибают. Гибнет и большая часть икры — уж больно много у нее врагов. Гибнут, разумеется, и мальки. И если учесть, что лососевые — одна из ценнейших промысловых пород, то можно представить, насколько сокращается ежегодно их количество.

Для воспроизводства кеты и горбуши построено много специальных рыбодоводных заводов. Один из них, Калининский, находится на Южном Сахалине, неподалеку от Холмска. Его вы видите на верхнем снимке. На этом заводе можно проследить весь «производственный процесс».

В устье речки Калининки стоит ловушка. Попавшую туда рыбу разрезают и вынимают икру. Икру заливают молотками, потом тщательно промывают и отсылают на завод. Здесь ее раскладывают в один-два слоя на специальных решетчатых-рамках. Рамки составляют в стопки и опускают в проточную воду как в инкубатор. Икра «вызревает» в течение шести-семи месяцев. Потом проплывающиеся мальки. Их переводят в отделения питомника и подкармливают икрой минтая. Малыши пожирают за сезон около трехсот центнеров протертой икры. В мае — июне молодь спускают в море.

В прошлом году калининки спустили 31 миллион мальков. В будущем году их будет 65 миллионов. Как видите, размах колоссальный. Уже сейчас завод снабжает лососевыми не только Тихий океан — отсюда посылки с икрой летят в Мурманск, в северные моря.

На наших снимках вы видите работницу Ано Шарапovu, перебирающую икру на стадии «глазка», и Гену Саенку, старшего инженера-рыбовода, который осматривает гибриды кеты с горбушей. Гибрид (самая крупная рыба на снимке справа) сохраняет вкусовые качества и размеры кеты. Гена мечтает получить гибрид кеты с форелью, который будет жить в пресной воде.

